

Борис Бабкин

Кровавый план египтянина

«АСТ»

Бабкин Б. Н.

Кровавый план египтянина / Б. Н. Бабкин — «АСТ»,

Терроризм не имеет национальности...Фанатизм не имеет лица...Но у безжалостных убийц, приговоривших нас к смерти «именем Аллаха», есть и лица, и имена! На их совести кровь миллионов невинных людей по всему свету, и трижды герои те смелые парни, которые сражаются с ними и на войне открытой, и на войне тайной. На войне, в которой можно только победить – или погибнуть!

Борис Бабкин

Кровавый план египтянина

*Благодарю за помощь в написании книги Ж. С. Бабкину и
А. С. Масловского.*

Пакистан

Вертолет, снижаясь, описал круг.

– В тренировочный центр. – Вертолетчик взглянул на сидевшего за ним плотного мужчину в белом костюме и белой широкополой шляпе.

– Встречают, как всегда, – усмехнулся второй вертолетчик, кивнув вниз.

Вертолет провожали четыре крупнокалиберных пулемета на вращающихся платформах.

– А эти, наверное, просто тренируются, – рассмеялся первый и тоже показал вниз.

Шесть человек держали направленные на вертолет «стингеры». Плотный достал блокнот и что-то быстро записал.

– А почему нас так спокойно пропустили к территории центра? – по-арабски спросил он.

– Извините, – по-английски отозвался вертолетчик, – я не понимаю.

– Почему нам дали возможность кружить над центром? – на безукоризненном английском повторил вопрос плотный.

– О нас предупредили заранее, – улыбнулся первый вертолетчик. – К тому же провожали наш вертолет с момента, как мы вошли в район реки Дашт. Здесь все очень серьезно, и чужим невозможно приблизиться к центру ни по земле, ни по воздуху.

* * *

Четверо молодых людей в облегающей темной одежде, перепрыгнув полуметровый забор, в падении трижды выстрелили по шести стоявшим метрах в десяти от них мишеням. Перекатившись через плечи-спину, вскочили и снова дважды выстрелили. И каждый, выхватив нож, бросил его. Сидевший в кресле-качалке пожилой седобородый мужчина в белом халате и чалме – его обмахивали широкими опахалами двое мускулистых молодых мужчин – щелкнул пальцами. Молодой слуга в широких белых шароварах осмотрел мишени и побежал к седобородому. Упав перед ним ни колени, что-то быстро сказал.

– Не думал, – усмехнулся рослый молодой мужчина в камуфляже, – что такое где-то возможно. Видно, что это раб.

– А у вас в Чечне разве не так? – вытирая потный лоб, хмыкнул невысокий толстяк в шортах и пробковом шлеме.

– Такого нет.

– Шарафутдин, – толстяк снова промокнул потный лоб, – а почему вы отделились от России? Насколько я знаю историю, даже непримиримый имам Шамиль согласился на вхождение Чечни в состав Российской империи.

– Тогда полной независимости Ичкерия не получила бы, – ответил чеченец. – Турция и...

– Прилетел Абу Саид, – увидев вертолет, вздохнул толстяк. – Непонятно, правда, чего он хочет, но деньги обещает платить хорошие. А что именно ему нужно, точнее – кто, не объяснил.

– У него в Ичкерии полгода назад погиб брат, – отозвался Шарафутдин. – Он сразу перестал давать нам деньги. Я слышал, что он мечтает отомстить России. Мне бы тоже очень хоте-

лось этого. У меня убиты отец, мать и двоюродный брат. Поэтому я и приехал в тренировочный центр. Хочу собрать группу и нанести удар по России. Чувствительный удар. Правда, сейчас это очень и очень сложно.

– Думаю, – усмехнулся толстяк, – что после блестящей операции ФСБ на Дубровке ничего ни у кого не выйдет. Ваши шахидки – глупость несусветная. Вы озлобляете население России и не наносите ей существенного вреда. А сейчас делаете хуже себе, от вас отвернулся весь мир.

– За это Россия, – раздраженно произнес Шарафутдин, – должна благодарить бен Ладена. После его самолетной атаки на Штаты нас стали считать террористами. И Грузия из стремления быть ближе к США начала работать против нас. Сколько людей, оружия и прочего груза мы потеряли при переходе границы!

– Я думаю, – насмешливо сказал толстяк, – это из-за российских пограничников. Сейчас они укрепляют свои рубежи с соседями, которые не замечают прыщика на своем носу, как говорят у нас в Германии.

– Хватит, – недовольно проговорил Шарафутдин. – А ты, Фридрих, почему...

– Сначала, – перебил немец, – я доставал нужное для центра, получал за это деньги. Затем меня задержали в Англии во время передачи взрывчатой смеси. Правда, меня отпустили под залог, я принял предложение Шейха, и сейчас я поставщик всего, что нужно для подготовки воинов. А спрос на них растет с каждым годом. Ведь мусульманство объявило джихад, весь мир должен постепенно перекраситься в зеленый цвет, я сам видел наброски такого передела.

– Извините, уважаемый, – подойдя, с поклоном проговорил раб, – мой повелитель просит вас подойти.

Недовольно вздохнув, Фридрих снова вытер лоб.

– На этого свергнутого правителя угодить невозможно. Правда, платит очень и очень хорошо.

– Откуда он? – посмотрел на сидящего под опалами Шарафутдин.

– Из Брунея. Уже несколько лет пытается прийти к власти, но все никак не может. И где только деньги берет? – Немец торопливо пошел к седебородому. Подойдя, поклонился.

Тот, что-то быстро и сердито проговорив, махнул рукой.

– Его величество не устраивают эти! – Раб махнул рукой на стоявших у мишеней стрелков. – Ему нужны умеющие убивать воины, а не просто стреляющие. Ни один из них не попал в сердце противника, – добавил он от себя. – Его величество просит показать ему других.

– Конечно, – снова поклонившись, отозвался Фридрих. – Хотите сейчас или попозже?

Седой, выслушав переводчика, кивнул и, встав, неторопливо направился к двухэтажным домам. Люди с опалами двинулись следом. Чуть отстав, за ними шли четверо вооруженных короткими многозарядными карабинами крепких молодых людей в белых одеждах и чалмах.

– Сейчас достанется Чару, – усмехнулся Фридрих. – Абу Саид не любит, когда его так встречают.

– Как именно? – Шарафутдин посмотрел в сторону вертолета и подъехавшего к нему армейского открытого джипа.

– Когда подъезжают на машине. – Фридрих торопливо пошел в ту сторону.

Шарафутдин, усмехнувшись, быстро догнал его.

– Привет, Оу! – весело крикнул по-арабски один из пилотов подбежавшему к вертолету тщедушному чернокожему человеку в набедренной повязке.

– Здравствуй, господин, – поклонился тот. – Как небо? Как дорога?

– Все хорошо! – Посмеиваясь, второй вертолетчик, отодвинув дверцу, спустил железную лесенку. – Прошу, Абу Саид, – пригласил он плотного.

Тот быстро спустился и недовольно посмотрел в сторону идущих к вертолету Фридриха и Шарафутдина. Перевел взгляд на джип.

- Садись, – кивнул сидевший за рулем крепкий парень в сомбреро.
- Почетных гостей встречают с поклоном, – напустился на него Оу.
- Я перед королями не кланялся, – усмехнулся тот.

Сверкнув глазами, Абу Саид молча смотрел на подходивших немца и чеченца.

– Извините, – подойдя, вздохнул Фридрих, – там претендент на трон из Брунея. Осматривал воинов и, как всегда, остался недоволен.

- Что это? – кивнул влево Абу Саид.

Фридрих посмотрел в ту сторону. Надо рвом шириной в четыре метра, балансируя с винтовкой в руках и рюкзаком за плечами, шел молодой мужчина. Из рва поднимали пасти крокодилы.

– Воспитание бесстрашия, – улыбнулся немец. – Там, – он кивнул вправо, – ров шире и у же переходник, а внизу ядовитые змеи.

- И бывает, что туда падают? – спросил Абу Саид.

– Почти каждый двадцатый, – кивнул Фридрих, – к крокодилам, а к змеям – один из десяти. Это по статистике. Но число жертв удваивается, когда, переходя, приходится уворачиваться от брошенных камней или палок.

- Ты мне нужен, – заявил Шарафутдину Абу Саид.

- К вашим услугам, – поклонился тот.

Абу Саид хотел что-то сказать, но мужской голос через усилитель нараспев протяжно заговорил.

– Время молитвы, – объяснил Фридрих. – Это обязательно для всех. Садитесь, – шагнув к джипу, предложил он. – Мы отвезем вас в покои для гостей.

Сидевший за рулем с улыбкой смотрел на подошедшего к нему Абу Саида.

- Садись с другой стороны, – сказал водитель.

Абу коротко ударил его ребром ладони в шею и, ухватив за волосы, выбросил из машины. Шарафутдин сел за руль. Фридрих спокойно посмотрел на лежащего водителя, наступил на него и, не открывая задней дверцы, забрался на заднее сиденье. Абу Саид сел рядом с Шарафутдином. Джип тронулся.

- Видел? – спросил один вертолетчик другого. – Кажется, этот водитель мертв.

– Конечно, – кивнул второй. – Он его по сонной артерии смазал. И что теперь будет? – заинтересованно спросил он Оу.

- Заплатит, и все, – спокойно пояснил тот. И, спохватившись, побежал.

– Деньги хорошие платят, – проговорил первый, – а то бы ни за что сюда не летал. Тут порой такого намотришься, Стивен Кинг с его ужасиками просто ребенок по сравнению с тем, что тут бывает.

- А я два раза был, – пожал плечами второй, – и ничего такого не видел.

- Значит, был недолго и не отдалялся от вертолета.

- Точно. А ты, Стив, здесь что, ходил? Я слышал, это запрещено.

– Верно. Но я сказал, что хочу выбрать себе телохранителя, и мне разрешили смотреть, чтоб выбрать. Правда, пришлось раскошелиться на пятьсот баксов, это со всех берут, и подписываешь, что никому, ничего, нигде и никогда не расскажешь о том, что увидел и вообще как уедешь, забудешь, что и где...

- А если нет? – засмеялся второй.

– Тогда, Генри, заказывай гроб. Здесь ведь все куплено. Неужели думаешь, власть не знает об этом центре? Знает. Я сам привозил сюда людей из какой-то службы, они учились здесь стрельбе, владению ножом и разминированию. Конечно, плата другая и показывают не все, но, повторяю, здесь все куплено. Говорят, главный тут какой-то миллионер из Саудовской Аравии. Ему удалось в Афганистане свой строй установить, а затем и в Россию полез, в Чечню.

Но русские зубы им обломали. Ведь еще Бисмарк говорил – не трогайте русского медведя. На России многие зубы поломали, а уж с такими-то они управятся.

– Что-то долго управиться не могут с горсткой бандитов. На своей земле не могут с ними покончить. Непонятно мне. Я одно время внимательно следил за этим. Было даже желание повоевать за свободу чеченского народа, за хорошие деньги, разумеется. Но потом увидел по телевизору, как они отрезают головы... – Генри поморщился. – А потом стали взрывать дома в России, и я передумал. Я солдат и воевал в нескольких странах. Бывало, конечно, и расстреливали, даже мирных жителей, но чтобы...

– Так они обрабатывают хлеб насущный! – Стив усмехнулся. – Все, даже взрывы на видео снимают. Им за это деньги идут. А так бы давно уже хана пришла всем этим джигитам. Поэтому и дома рвут. Иначе ничего бы не получали, и тогда бы им точно крышка была. А насчет того, что Россия справиться с ними не может, тут, с одной стороны, вроде и непонятно – на своей территории прочешите армией и авиацией весь Кавказ... А с другой – понятно, что нельзя, ведь сколько мирного народа пострадало во время освобождения этой самой Чечни. Чеченцы – народ злопамятный, вот и вырастают новые мстители. Сейчас там в основном наемники и воюют, им деваться некуда. А теракты – это что-то вроде агонии. На открытые вылазки воины Аллаха не способны, вот и кусают где смогут. Кстати, тут, – он кивнул на длинные здания, – многие из Чечни. Видел, вместе с толстяком подходил чеченец? Дважды был у себя на родине, а здесь сейчас готовит группу шахидок – женщин-смертниц. Но этого я вообще не понимаю. Как можно идти и знать, что себя сейчас взорвешь? Ну вообще-то в мировую войну были камикадзе японские, так они с детства к этому готовились. А сейчас, в наше время... не понимаю я этого. Говорят, их наркотиками накачивают, гипнотизируют. Да какой, к черту, наркотик, ведь соображают они, что делают. А насчет гипноза вообще не верю. А ты что думаешь?

– Да я сам не понимаю... К нам идут. – Генри кивнул за спину Стива. Повернувшись, тот увидел быстро идущего к вертолету молодого темнокожего мужчину.

– Что скажешь? – по-английски спросил Стив.

Генри повторил этот вопрос по-арабски.

– Вы можете отдохнуть, – на чистом английском отозвался подошедший. – Но час должны сидеть в вертолете. Сейчас молитва, и не надо, чтобы кто-то ходил по территории.

– Ты из Штатов? – спросил Стив.

Не отвечая, тот посмотрел на часы.

– Я приду в два часа десять минут. И отведу вас в комнаты для гостей.

– А выпивка будет? – спросил Стив.

– Все, что пожелаете.

Поклонившись, он неторопливо пошел назад.

– Ну что ж, отдохнем по полной программе, – подмигнул Стив. – Раз говорит – все, что пожелаете, значит, и девки есть.

– И надолго это? – тихо спросил Абу Саид.

– Час еще, – отозвался Шарафутдин.

Абу покачал головой. Шарафутдин усмехнулся про себя. Сидевший в кресле-качалке Фридрих заметил это, но промолчал.

– Ты мне нужен, – негромко проговорил Абу Саид. – Ты видел, как погиб Хасан?

– Рассказывали, – вздохнул чеченец. – Погиб в бою под Бамутом. Тело его забрали с собой и похоронили по...

– Он не мучился? – перебил Абу Саид.

– Две пули, обе в голову.

– У тебя есть надежные люди в России? – помолчав, спросил Абу Саид.

– Сейчас не знаю, я не был в Ичкерии уже восемь месяцев.

– Я не говорю о наших людях, которые помогают вашему сопротивлению. Я спросил о твоих.

– Конечно, есть, – бросив взгляд на Фридриха, негромко по-чеченски ответил Шарафутдин.

– Ты не веришь ему? – тоже по-чеченски спросил Абу.

– Кроме себя, я давно никому не верю.

– Ответ, достойный воина, – улыбнулся Абу.

Ирак

Молодой мужчина в американском камуфляже и каске, осторожно поднялся с земли, схватил автомат и, пригибаясь, побежал вверх по покрытому редким кустарником склону. Двое мужчин в чалмах с винтовками последовали за ним. Все трое упали на каменистую площадку. Замерли. И услышали шум приближавшей колонны. Мужчина в камуфляже приложил к глазам бинокль и грубо выругался по-русски.

– Что он сказал? – на пушту спросил один из мусульман.

– Не понимаю, – ответил второй. – Язык совершенно незнакомый.

– Всего две машины, – подбирая слова, сказал мужчина в камуфляже. – Громкоговорители с записью шума движения колонны. Хотя это хорошо, значит, бояться. И горит у них под колесами земля иракская. Взрывчатку жаль, – снова по-русски проговорил он, – но ничего не поделаешь. – Приложил большой палец к кнопке пульта. Подождя, пока армейский джип и грузовик с крытым кузовом не поравняются с нужным ему местом, нажал. От узкой дороги донесся грохот взрыва. Русский приложил бинокль к глазам. – А опять скажут: двое раненых и один убитый, – усмехнулся он, разглядывая завалившийся на бок дымящийся грузовик и отброшенный в сторону развороченный взрывом джип. – Уходим! – на пушту приказал он и побежал вверх по узкой расщелине. Остальные последовали за ним. – А вот помощь у янки приходит быстро, – услышав рокот вертолета, отметил подрывник и махнул левой рукой вниз.

Все попадали, прижимаясь к камням. Здесь русский вскочил и, пригибаясь, бросился к пещере.

– Йес! – бросив кулак вверх, весело оскалился рослый блондин. – Уходим! – по-арабски скомандовал он. Пятеро мужчин с оружием бросились в развалины большого дома. На соседней улице слышались стоны и крики. Несколько раз простучали автоматные очереди. – Йес! – повторил блондин. – И у аэропорта кто-то работал. Не будет вам отдыха, янки! – Он оскалился в злой усмешке.

Слева раздалась пулеметная очередь. Грохнули два взрыва подряд. Пятеро вбежали в разрушенное здание, открыв замаскированный люк в очищенном от обломков углу, начали спускаться. Последний захлопнул крышку.

– Давно это у вас? – спросил блондин.

– Сразу после первых налетов авиации, – ответил один. – Мы знали, что армия и хваленая гвардия Хусейна долго продержаться не смогут. Хусейна предали его генералы, жизнь себе купили, – презрительно добавил он.

– Пошли, – зажигая факел, позвал один из бойцов сопротивления.

– Курды предали нас! – зло заметил худой мужчина в форме иракской армии с перевязанной головой. – Да чего от них было ждать, – вздохнул он.

– В Багдаде идет бой, – сообщил подошедший мужчина в тюрбане. – Сыновей Хусейна обнаружили американцы. Кто-то польстился на обещанные доллары.

– Все равно долго ни американцы, – проговорил офицер, – ни англичане здесь не продержатся. Соппротивление возрастает, население уже не раз вспоминает, что освободители принесли в страну голод, безработицу, нищету и рост преступности. Лидер шиитов открыто призывает к вооруженной борьбе и категорически требует, чтобы американцы с союзниками убрались из Ирака.

– Скажи, полковник, – обратился к офицеру седобородый старец, – а где сам президент?

– Этого я не знаю. Но он жив, это точно. Так что борьба только начинается. Многие приезжают сюда, чтобы помочь нам. И мы изгоним врага! – громко, для всех, кто мог его слышать, заявил он. – Ирак снова будет свободным и независимым.

– Как все прошло? – спросил невысокий мужчина в иракской военной форме без знаков различия.

– Они сейчас прибегают к шумовым эффектам, – усмехнулся русский. – Включают запись шума двигающейся большой колонны, тогда как идут две-три машины. Ведь на большие колонны нападения пока редки, да и они не нанесли урона штатникам, тогда как потери бойцов сопротивления достаточно велики. Но джип с тремя солдатами и грузовик мы уничтожили.

– А ты хороший солдат, – одобрительно кивнув, заметил невысокий. – И неплохо говоришь по-арабски. Где выучился языку?

– Из интереса, – улынулся русский. – И пригодилось. Я уже три года по Азии мотаюсь. Здесь почти везде по-арабски говорить умеют. В общем, пригодилось, – повторил он.

– Во здорово, привет! – послышалось восклицание, к нему подошел блондин. – Каким ветром занесло?

– На звуки выстрелов, – рассмеялся русский. – А ты как здесь оказался?

– Наемник, – прикуривая сигару, усмехнулся тот. – Жил в России, поступил в военное училище, хотел быть как отец, но единый и нерушимый Союз развалился, и все кончилось. К тому же нелады с законом... И понеслось – Абхазия, Приднестровье, а потом Чечня, Афганистан. Теперь вот сюда попал и не жалею.

– А в Чечне за кого воевал? – спросил русский.

– Не за вас, – усмехнулся блондин. – Но не по идейным соображениям и не потому, что против России, а из-за денег. Платили там неплохо. Правда, во вторую я уже не полез. Понял, что за них всерьез взялись.

– Я так же подумал, – улыбнулся русский, – поэтому и не пошел. Хотя у меня к родине свой счет имеется.

– Ты тоже в Чечне был? – удивился блондин.

– Под Бараевым ходил. Переодевались в федералов и население грабили.

– Я тоже несколько раз так работал... Иван. – Блондин протянул руку.

– Валерий, – пожал ему руку русский. – А здесь еще наши есть?

– Были. Трех убили. Одного три дня назад, двоих вчера около Эль-Рамади. На колонну напали. Там человек двенадцать партизан положили и этих двоих. Один из Москвы был. Я как-то по простоте душевной упомянул Чечню, так думал, он меня пристрелит. Еле удержали москвича. Он сюда приехал с американцами воевать. В Чечне тоже был, прапором. В общем, сам понимаешь, как он ко мне отнесся. Я не в обиде. Любой другой так же относился бы. Но ведь я только за деньги там воевал. А он стал кричать: ты отца с матерью предал, знакомых своих, друзей и так далее. В общем, знаешь, я рад, что ты из числа мне подобных. Надеюсь, ты не делал обрезание?

Рассмеявшись, Валерий покачал головой.

– Я рад, что встретил тебя, – сказал Иван. – Знаешь, общаться с русским приятно. Что ни говори, а в России все-таки очень даже неплохо. И порой намного лучше, чем где бы то ни было.

– Это точно, – согласился Валерий.

– Вы из одной страны? – поинтересовался иракский военный.

– Просто один язык знаем, – улынулся Иван.

– Пора уходить, – заявил иракский партизан.

– Здесь и чеченцы есть, – сообщил Валерию Иван. – Они в тренировочном лагере были, в Афганистане. Когда америкашки напали на талибов, стали воевать с ними. Но штатники в основном авиацией работают. Мы и перебрались в Ирак. И из Пакистана группа в Чечню шла, но здесь осталась. В Чечню, как я слышал, все труднее и труднее пробираться. Хотя нам с тобой это, наверное, и не понадобится... не по мне эта война, уж слишком трусливы эти иракцы. Вот смертники, те да, но сейчас их используют мало. К чему-то готовятся, видно.

– Быстрее, – поторопил их один из группы.

Чечня

– Деньги в Грузии, – войдя в пещеру, сообщил плотный высокий молодой мужчина в американском камуфляже, с зеленой ленточкой на лбу.

– А вот как их сюда принести? – отозвался чистивший пистолет лысый араб.

– Придется все-таки подключить Згуриди, – сказал сидевший в кресле Басаев.

– Не хотелось бы, – возразил араб. – Через Отара идут все наши связные и курьеры. Сейчас граница с Грузией почти закрыта. Хорошо, что мы прилично пополнили запасы оружия и взрывчатки перед самой войной. Рассчитывали на то, что Дагестан нас поддержит, но не вышло.

– Давай не будем об этом, – процедил Басаев. – С помощью Аллаха...

– Точнее, с помощью спонсоров, – усмехнулся араб, – которым, конечно, помогает Аллах. Но мы несем большие потери при переходе границы. А Згуриди...

– У нас кончаются деньги, – сухо проговорил Басаев. – Мы уже неделю не выплачиваем воинам жалованье. И если воины Аллаха как-то понимают это, то наемники не желают рисковать жизнью за нашу свободу.

– Все мы здесь торчим из-за денег. И мои люди все чаще говорят о том, что в отрядах остается все меньше чеченцев. Около пятидесяти человек уже сдались федералам или их приспешникам по объявленной президентом России амнистии. И несмотря на взрывы бомб в Чечне, Дагестане и даже в Москве, народ России не протестует против войны в Ичкерии. Скорее наоборот. Надежда на то, что с проживающими в центре России чеченцами будут обращаться плохо и те начнут мстить, не оправдывается. Это было понятно еще во время захвата театра на Дубровке. Не было погромов в квартирах, где проживают чеченцы. А вот удары по зданию...

– Если гибнут гяуры, – прервал его лысый, атлетически сложенный чеченец, – это уже хорошо. Как говорит имам, каждая смерть неверного приближает воина Аллаха к раю. И нет неверного, которого стыдно было бы убить или...

– Шамиль! – стремительно войдя в пещеру, быстро проговорил бородач. – В Московской области, в Толстопальцеве, обнаружен дом, в котором были пояса шахидов, оружие и все остальное...

– Как федералы могли выйти на тайник? – зло спросил Басаев.

– Скорее всего выдала арестованная на Тверской шахидка, – ответил араб. – Наверное, она специально вела себя так, чтобы вызвать подозрение. Я сколько раз говорил – надо, чтобы они работали сразу по приезду, пока еще не выветрилось внушенное Учителем, пока шахидка не увидела другой жизни. Оказывается, и на земле при жизни можно побывать в раю. Там мы ее не достанем. К тому же она наверняка и рассказала немало. Дом в Толстопальцеве –

лишнее этому доказательство. Таких, как она, нужно использовать где-то рядом и держать под постоянным контролем. Поэтому...

– Хватит, – недовольно остановил его Басаев. – В конце концов, за шахидов отвечают твои люди. И то, что ее взяли, ваша вина. Но это уже в прошлом. Сейчас надо думать о дальнейшем. Меня больше всего унижил провал с «Норд-Остом». Это была реальная возможность заставить Россию уйти из Ичкерии или хотя бы на какое-то время сделать так, чтобы они прекратили военные действия. И что получилось? Полный провал. Театральное шоу с главным артистом Бараевым. А ведь все было разработано до мелочей. Захват, минирование здания и подступов к нему. А он заминировал весь зал. На зрителей вполне хватило бы и поясов шахидов. И никаких переговоров, кроме как с президентом. Путин не идет на переговоры... убили двоих – снова нет... Теперь весь мир убедился в нашей пустой болтовне. И восхищается работой российских спецслужб. А тут еще председатель избирательной комиссии заявил на всю Россию, а следовательно, и на весь мир, что Масхадов может принять участие в выборах президента Ичкерии. Когда мне об этом сказали, я не поверил, но потом услышал сам. И не понял: зачем это? Масхадов обвиняется в подготовке джихада на Дубровке, и вдруг он может принять участие в выборах. Выходит, его до сих пор считают президентом? – усмехнулся он.

– Скорее всего пытаются выманить, – предположил араб. – И вполне возможно, для того, чтобы мы не наносили ударов во время проведения выборов... Господин Масхадов отказался от участия в выборах и занимается терроризмом. А почему бы тебе не выдвинуть свою кандидатуру? – посмотрев на Басаева, усмехнулся он.

– Ничего смешного тут нет! – отрезал тот. – Выдвинуть свою кандидатуру – значит признать выборы. Этого нельзя делать ни в коем случае. И разумеется, нужно попытаться сорвать выборы везде, где возможно. Было бы отлично нанести удар по вновь построенному зданию, но это почти невозможно. И в то же время надо проработать все возможности.

– Полковника Буданова осудили на десять лет, – войдя в пещеру, с улыбкой сообщил узкоглазый боевик, – лишили наград. Отец Кунгаевой будет настаивать на более суровом наказании. А адвокат пишет кассационную жалобу и заявляет, что приговор жесток и несправедлив.

– Отец Эльзы все делает правильно, – кивнул Басаев. – Но его слова о том, что он всегда считал Ичкерию российской, мне не понравились. До выборов осталось два месяца, и надо отработать несколько операций. И к этому времени, – он посмотрел на араба, – нужно подготовить нескольких шахидок.

– Сейчас их пять, – вздохнув, поморщился тот. – Две из них почти готовы, и они сделают все как надо. А вот другие еще не дозрели. Но Сулейман занимается поставкой новых шахидок, – хохотнул он.

– Есть работа, – войдя в грот, улыбаясь, проговорил невысокий, полный, совершенно лысый мужчина. – На твой вкус, Кабан, – кивнул он приподнявшему голову плечистому молодому мужчине в российском камуфляже.

– Снова игра под федералов, – усмехнулся тот. С соломы поднялись еще четверо мужчин славянской внешности и уставились на вошедшего.

– Точно, – кивнул тот. – И это вам понравится. Надо изнасиловать трех чеченок. Работать с ними надо жестко, но не уродовать. И разумеется, побольше ненависти. Учить вас этому, я думаю, не надо.

– А прикрытие? – потягиваясь, спросил Кабан.

– Все будет нормально, – успокоил его лысый.

– И сколько мы за это удовольствие получим? – спросил рыжеватый парень в тельняшке ВДВ.

– По двести, – ответил лысый, повернувшись к нему.

– Ну ты, Власов, даешь, – рассмеялся русский здоровяк. – И удовольствие хочешь на бабах поиметь, и баксы получить.

Остальные, да и сам Власов, рассмеялись.

– Я через посредников подам заявление об участии в выборах, – проговорил Масхадов, сидевший на коврике со скрещенными ногами.

– Не советую, – сказал куривший длинную трубку пожилой чеченец. – Это вызовет недовольство у командиров. Басаев вообще придет в ярость. Кроме того, наверняка будут приниматься меры, чтобы сорвать эти выборы, и вдруг ты дашь согласие на участие в них, то есть признаешь, что хочешь быть ставленником Москвы.

– Но не воспользоваться таким случаем, – вздохнул Масхадов, – тоже нельзя. Москва заявила на весь мир, что признает мое участие в выборах. Значит, они считаются с тем, что до сих пор президентом Ичкерии являюсь я. И, как мы слышали от российских СМИ, предварительный опрос населения показал, что за меня проголосовали бы три процента из числа опрошенных. Не побоялись люди заявить об этом.

– В том-то и дело, – сказал пожилой. – Сейчас, если кто-то из чеченцев скажет, что считает нас борцами за родину, его упекут в лагерь. И вдруг СМИ спокойно обнародуют результаты опроса и заявляют, что за тебя проголосовали бы эти самые три процента... Странно все это.

– И тем не менее, – упрямо повторил Масхадов, – я выскажу свое мнение на совете.

– Не думаю, что тебя кто-то поддержит.

– Закрой глаза, – монотонным, ровным голосом говорил седобородый старец, – и вспомни: неверные убили твоего мужа и сына, они виновны в гибели твоих родителей и в разрушении вашего дома, который вы построили сами. Убийцы живут в распутстве и радости, тогда как ты ночами вспоминаешь убитого мужа и сына. Ты содрогалась от взрывов и выстрелов, которые неверные обрушили на наши мирные села и города. Гремели взрывы, танками давили мужчин, вставших на защиту своих домов, жен и детей. Неверные надругались над всем, что нам дорого. Имя твоего мужа вписано в священную книгу памяти погибших за веру. И он обрел вечный рай и ближе, чем другие, к Аллаху. – Он простер руки и, медленно опустив их, огладил бороду. – Отомсти за убитых! – Голос старца стал громче и требовательнее. – Приведи своей рукой в действие данное тебе Аллахом оружие мести. И пусть погибнут неверные, чтобы тебе быть в вечной жизни, в раю. Пусть погибнут взрослые. Они убивают наших детей, мужчин, женщин и стариков. Пусть погибнут пожилые, они воспитали наших врагов и вложили им в руки оружие, которое используют против нас. Пусть погибнут дети, чтобы не выросли из них убийцы наших повзрослевших детей. Твой муж ждет тебя! – Он, протянув руки, кончиками пальцев коснулся висков сидевшей перед ним молодой черноволосой женщины с закрытыми глазами. – Для тебя откроются врата рая, и ты обретишь вечную жизнь. Тело – лишь оболочка души. Так не бойся освободить от нее душу. Пусть тело погибнет, но душа бессмертна, и ты будешь вечно молодой и красивой в цветущих садах рая. Будешь вкушать разные яства и ходить по божественным цветам. Соверши угодное Аллаху!.. – Он вновь повысил голос, опустил руки и кончиками пальцев провел по щекам и шее женщины. Та, чуть вздрогнув, часто задышала.

– Я сделаю это, – чуть слышно прошептала женщина. – Скажи, учитель, где и когда? И я унесу жизни неверных. Я сделаю это...

– Ты мерзнешь в сводах ледяных пещер, – вновь монотонно проговорил старец. – Неверные живут в тепле и уюте. Ты голодаешь, а они, сытно наевшись, спят на пышных чистых постелях. Смеются в то время, когда ты со слезами горя вспоминаешь убитых ими. Твой муж погиб, сражаясь за Аллаха и за нас. Твоего маленького сына убили русские. Вспомни разрыв снаряда, который разметал тело твоего сына, отомсти за сына, и не будет им покоя от тебя и после смерти. Дай освобождение своей душе от горя и печали.

– Во дает!.. – прошептал стоявший у входа в освещенную двумя факелами пещеру коренастый бородач с автоматом. – Послушаешь и сам поверишь, что...

– А ты и воюешь за деньги, – недовольно прервал его смуглый мужчина. – И поэтому тебе все это странно и непонятно. Аллах есть, и он все видит. Воину уготовано место в раю, где он будет жить вечно. И встретят его семь девственниц, и получит он семь ранее не испытанных им удовольствий. И будет всегда сыт, обут, одет, и...

– Ты это своим сообщи! – хохотнул коренастый. – А мне не надо...

– Слушай, – процедил смуглый, – никогда не говори так о вере. Мы умираем за нее, и...

– Все! – Коренастый поднял руки... – Больше ничего и никогда...

– А эти девки, видимо, не поддаются обработке, – меняя тему, сказал чеченец.

– Как я слышал, у обеих, которые с Учителем, – отозвался коренастый, – мужей убили и дети погибли. Вот их и настраивают на джихад. Но я бы, наверное, так не смог. Воюешь и то опасаясь, что подобьют, а тут сам идешь и знаешь, что разорвет. Не понимаю я этого. Ладно там заложить взрывчатку, сумку с ней оставить, а потом раз – и громыхнуло. Но на себя надевать эту хреновину... нет, не понимаю я этого, и никогда бы не смог...

– Я вообще-то только в том случае, если вот-вот арестуют, – вздохнул чеченец, – гранату под собой взорву. А так, как они, наверное, тоже не смог бы. В бою, конечно, а на грузовике в здание врезаться... – Чеченец махнул рукой. – Здоровый сильный мужчина, хороший воин, и вдруг все кончится. Вот, наверное, эти три бабы поняли, потому и упираются. Их, наверное, просто убьют, и все дела.

– Я лучше буду стрелять, – заявила испуганная девушка. – Не смогу я взорваться... Я хорошо стреляю. – Подняв голову, она испуганно посмотрела на сидевшего на накрытом буркой валуне мужчину.

– Хорошо, – кивнул тот. – Молодец, что честно сказала. Значит, пойдешь в отряд. Но стрелять тебе не придется. – Он улыбнулся. – Просто будешь передавать бумаги и деньги нашим людям. В городе никто не знает, что ты связана с нами. Поэтому вернешься и скажешь, что была у родственников. Завтра тебя отвезут к твоему дяде, он подтвердит, что десять дней ты была у него. Веди себя как всегда. В разговоры о войне не вступай, а если кто-то спросит, отзывайся о нас с осуждением. Как и где будешь забирать деньги или документы, тебе скажут, и куда отнести, тоже узнаешь от нашего человека. Собирайся, и пойдём. Молодец, что честно сказала, – повторил чеченец.

– Я хочу отомстить за брата, – чеченка вздохнула, – но не смогу...

– Все нормально, – перебил ее чеченец. – Больше об этом говорить не станем.

– Муратова предлагала убежать, – остановил шагнувшего к выходу чеченца ее голос. Он повернулся и внимательно посмотрел на нее. – Да, – кивнула девушка, – я говорю правду. Ей хочет помочь Мурад.

– Понятно, – усмехнулся чеченец. – А третья?

– Арцуева только плачет и ничего не говорит. Все время шепчет имя дочери.

– Ясно... – Чеченец внимательно посмотрел на нее. – Вот что, оставайся здесь. Пусть все будет, как и прежде. Но не волнуйся, шахидкой ты не станешь. Просто я должен знать все, о чем говорят остальные и что они замышляют.

– Надо задействовать Згуриди, – сказал Басаев. – Хватит ему оставаться в стороне. Деньги пришли на его имя. Он должен получить их и сам передать нам. Свяжитесь с Царицей, пусть проконтролирует...

– Згуриди не захочет, – возразил лысый араб, – он трус. И к тому же уверен, что без него у нас ничего не получится. Но ты сказал правильно, Згуриди может доставить деньги. Его встретят в двух километрах от границы. Ближе подходить опасно. Гяуры сейчас контролируют

почти всю границу. Прорываться из Грузии нашим людям приходится с боем. За последние дни мы потеряли двадцать три человека убитыми, задержаны пятеро, шесть РПК перехватили пограничники, обоз с оружием тоже достался федералам. И дважды к ним попадали крупные суммы денег. Згуриди единственный, кто сможет перейти границу, отдать деньги и вернуться. Он знает местность, прекрасный альпинист, и у него хорошие связи с грузинскими пограничниками.

– Згуриди должен назвать место, и мы пошлем туда группу Горца. Он сможет доставить деньги.

– Я не пойду, – вздрогнув, испуганно проговорил мускулистый мужчина. – Я нужен тут, – вздохнул он. – Неужели там не понимают, что...

– Отар, – покачал головой сидевший напротив него седой грузин лет пятидесяти, – ты получишь деньги и завтра с утра понесешь их. У границы тебя встретят наши люди, и они помогут тебе...

– Нет! – воскликнул тот. – Я не пойду! Я не могу...

– Значит, жить на полученные от Шамяля деньги ты можешь, – тихо проговорил седой. – И думаешь оставаться в стороне. Ты прекрасный альпинист, тренированный сильный мужчина, так не кажись женщиной, – презрительно добавил он. – Ты же...

– Я боюсь! – ответил Отар. – Да, боюсь русских пограничников. Боюсь тюрьмы, в конце концов. Сейчас и у нас выносят обвинительные приговоры за помощь чеченским боевикам. Я не пойду.

– Получишь деньги, – негромко проговорил седой, – а потом все решим. Деньги ты получишь сегодня. Чек у тебя?

– Да, – сипло отозвался Отар. – Но я не пойду. Я сам...

– Просто сними деньги, – улыбаясь, сказал седой, – а там будет видно.

– Вот что, Гиви, – сипло заговорил Згуриди. – Я отдам деньги тебе, и делай с ними что хочешь. Но больше я не стану ничего делать. И если со мной что-то произойдет, наша полиция получит очень интересные для нее записи и карты. И узнает фамилии тех, кто помогает вам. А также я все напишу про банк, в который поступают деньги. Понял?

– Не глупи, Отар. Я вижу, ты волнуешься, поэтому так говоришь. Пройдет неделя, пусть две, и ты поймешь, что все не так страшно. Ты же мужчина, джигит! – Гиви улыбнулся. – А сейчас просто понервничал. Успокойся, сними деньги и приезжай ко мне. Выпьем хорошего вина и спокойно все обсудим.

– Хорошо, – нервно сказал Згуриди. – Я возьму деньги и приеду. Чек у меня. – Он хлопнул по нагрудному карману. – Я приеду... – Взяв графин с водой, он сделал несколько глотков.

– А если дорожная полиция? – усмехнулся Гиви.

– У меня все куплены. – Отар встал и, снова глотнув из графина, быстро пошел к выходу.

Остановившись у зеркала, Згуриди взглянул на свое отражение и пригладил волосы. Достал чек. Посмотрел на него и, кусая губы, осторожно положил в карман.

– С такими деньгами я смогу сегодня же улететь в Турцию, – негромко проговорил он. – И все, никто меня не найдет. Да, я так и сделаю.

Стоявшая рядом молодая красивая женщина, подкрасив губы и поправив волосы, пошла в зал кафе.

Згуриди быстро вышел.

– Понял, – кивнул плотный грузин с телефоном. – Все сделаем как надо.

– Деньги привезешь мне, – услышал он женский голос.

– Я уеду, – остановившись перед светофором, шептал Згуриди. – Заберу деньги и уеду. И никто не сможет меня найти. Ждите!.. – Криво улыбнувшись, он облизнул пересохшие от волнения губы. – Я однажды помог знакомому войти в Чечню, а потом ко мне обращались снова и снова. Платили хорошо, наше правительство вроде бы и не видело чеченских боевиков, устроивших в Грузии несколько перевалочных баз и центр для приема воинов Аллаха с последующей переправкой их в Чечню. Но сейчас все изменилось. И я не могу и не хочу рисковать. Я уеду сегодня же.

– А как ты попал к Басаеву? – спросила сидевшая за столиком напротив Гиви черноволосая красавица.

– Помог одному другу перейти границу. Потом отправил двоих чеченцев в Россию. А они, оказывается, участвовали в подрыве домов в Волгодонске. Вот так и стал участником чеченского сопротивления. Хотя до их идеи покрасить мир в зеленый цвет мне дела нет. Да и христианин я. А ты как попала?

– Я там воевала, – улынулась женщина, – в первую войну. Чуть было не поехала с Басаевым в Буденновск, но меня легко ранили, и, как потом выяснилось, к лучшему. Русским известны все, кто был тогда в больнице. А я так и осталась темной лошадкой. Теперь помогаю чеченцам. Встречаю приезжающих наемников, раненых боевиков. Правда, сейчас все стало гораздо труднее, и я уже не раз думала, как выйти из этого. Корабль Басаева тонет, и я уверена, что многие, как и я, хотели бы последовать за крысами, которые первыми покидают тонущее судно. Надо выбрать момент и уйти тихо. У них, конечно, имеются записи с моими подвигами, я вместе с черными женщинами Хаттаба резала пленных... и не стану скрывать, – ее глаза блеснули, – получала от этого наслаждение. Особенно нравилось резать сильных здоровых мужиков, – рассмеялась она.

– Тамара, ты уверена, что деньги будут у нас? – спросил Гиви.

– На все сто.

– А почему Отар тебя не знает? Я думал...

– Ты на меня вышел только через год.

– Значит, ты особо ценный человек Шамиля, – улынулся Гиви.

Прозвучал вызов лежавшего перед ней сотового.

* * *

– Он домой едет, – проговорил сидевший за рулем «восьмерки» длинноволосый парень.

– Вижу, – отозвался сидевший рядом человек Тамары. – Надо связаться с Царицей и сообщить.

– Делать его надо, – не согласился водитель, – пока он...

– Закрой рот! – резко приказал сидевший рядом и набрал номер.

– Ясно, – кивнула Тамара. – Ну, ты знаешь, Казбек, что нужно делать. – Она усмехнулась. – Потом сразу свяжись со мной. И будь очень осторожен. Згуриди сильный, тренированный человек, но он трус, а это вдвойне опасно.

– Не беспокойся, – ответил Казбек, – все сделаем как надо. И потом я сразу позвоню.

– Привози деньги ко мне на дачу, – сказала она.

Згуриди, выйдя из «опель-кадета», оглянулся. Посмотрев в другую сторону, вытащил из кабины небольшой черный чемодан и быстро пошел к калитке. Достав связку ключей, сунул один в замочную скважину, быстро обернулся и снова посмотрел по сторонам. Толкнув калитку, вошел и, захлопнув, закрыл на ключ. Быстро пошел к двухэтажному коттеджу.

– Царица права, – усмехнулся, закуривая, Казбек. – Он сейчас взведен как пружина. Я пошел! – Вытащив из-за ремня сзади пистолет, накрутил глушитель. – Если что-то насторожит, знаешь, как поступить.

– Сигнал, – кивнул водитель.

– Идиот! Любым способом задержи, если кто появится. Если мы не привезем деньги, заказывай гроб.

– Значит, и кончать можно! – Водитель вытащил пистолет с накрученным глушителем.

Казбек сунул пистолет за пояс под рубашку, быстро вышел из-за деревьев и пошел по дороге. Пройдя несколько метров и убедившись, что его не видно из окон коттеджа, Казбек перебежал дорогу и бросился к калитке.

– Вы меня не найдете, – бормотал, запихивая вещи в большой чемодан, Згуриди. – С такими деньгами я устрою себе жизнь в любой стране. Кое-что у меня есть, да еще это, – он посмотрел на чемодан, – так что ищите. Я уже через час буду в воздухе. Куда угодно улечу, а оттуда в Турцию. Так что ищите, мир большой.

– Куда едем? – Гиви завел машину.

– Ко мне, – ответила сидевшая рядом Тамара. – Туда Казбек привезет деньги.

– Ты уверена в нем? – трогая с места «мерседес», спросил он.

– Я уже говорила, – улыбнулась она, – он сделает для меня все, он мой человек.

Згуриди, подойдя к калитке с чемоданом в руке и солдатским рюкзаком на плече, остановился. Внимательно прислушался. Поставив чемодан и сняв рюкзак, вытащил из-за пояса сзади револьвер. Взвел курок и достал связку ключей. Сунул ключ в замок и вновь замер. Повернув ключ, снова остановился. Потом вскинул руку с наганом. И тут же упал. Вбежавший в калитку Казбек выстрелил в приоткрытый рот Згуриди.

– Нормально работает. – Парень за рулем увидел руку Казбека с пистолетом.

В этот момент калитка распахнулась, и Казбек прыгнул вперед. Калитка захлопнулась. Парень тронул машину. Перед выездом на дорогу остановился. Увидел вышедшего из калитки Казбека.

«Нервы железные», – подумал парень, увидев, что тот запирает калитку.

Перебросив связку ключей через забор, Казбек сел в машину Згуриди.

– Ну вот и все, – облегченно проговорила Тамара. – Они скоро приедут. Отар убит. Деньги везут. Кто понесет их в Ичкерия?

– Осетин, – ответил Гиви.

– А он разве в Грузии?

– Приедет завтра. А послезавтра пусть едет в Ичкерия.

– Но где он сейчас?

– А почему тебя зовут Царицей?

– Меня так папа в детстве называл. Царица ты моя Тамара, говорил. Он с двенадцати лет один растил меня. Мама была заведующей сберкассы и погибла при ограблении. Ее убили русские бандиты-гастролеры, как потом говорила милиция. Один из Москвы, другой ленинградец. Тогда я и стала ненавидеть русских. Всех. Это они воспитали тех двоих убийц. Я с четырнадцати лет занималась стрельбой из винтовки. В память о маме убила двенадцать русских солдат в Ичкерии. И помогаю убивать их сейчас. Ненависти во мне уже нет, просто я решила прилично заработать и уехать. Но сейчас понимаю, что все гораздо сложнее, чем мне хотелось бы.

– А почему тебя так интересует Осетин? – спросил Гиви.

– У него погибли оба брата, а Руслан мстителен. Я думаю, этим можно воспользоваться.

Но поговорим об этом позже, когда я узнаю его реакцию на гибель братьев.

– А при чем здесь гибель братьев? – не понял Гиви.

– Я все объясню, когда поговорю с Осетином.

Тамара услышала шум подъехавшей машины. Подошла к окну.

– Казбек с Царевичем приехали, – сказала она.

Гиви подошел и встал рядом. Во двор вошли Казбек с водителем. Казбек нес чемодан, водитель – рюкзак.

– Значит, Отар действительно хотел уехать, – сказал Гиви.

Они вернулись к столу. Через несколько минут вошли Казбек и водитель. Казбек положил чемодан на стол. Тамара открыла его и увидела доллары. Улыбнувшись, закрыла. Гиви взял у длинноволосого рюкзак, развязал, вытащил смятый пиджак, брюки и полуботинки. Усмехнулся и поставил на стол небольшую шкатулку. Открыл. В шкатулке лежали драгоценности.

– Ого! – улыбнулся Гиви. – Здесь тоже на приличную сумму. И где же Згуриди все это нашел?

– Отар воевал против Абхазии. – Тамара взяла большой перстень и залюбовалась игрой камня. – Скорее всего оттуда.

– Точно, – согласился Казбек.

– Все, что хочешь, – сказал Тамаре Гиви, – возьми и оставь себе. Здесь все для женщины.

– А остальное куда? – спросил Казбек.

– Тебя это не касается! – отрезал Гиви.

– Почему это не касается? – холодно улыбнулась Тамара. – Он мог и не привезти этого, – кивнула она на шкатулку, – и мы не знали бы о драгоценностях. Все это, – решила она, – оставим, а потом продадим и деньги поделим на четверых.

Гиви был явно недоволен этим решением, но промолчал.

– Свяжешься с Шамилем, – обратилась Тамара к Казбеку, – скажешь, что деньги у нас, а Згуриди убит. Объясни почему. О шкатулке говорить не надо, – улыбнулась она.

Воронеж

– Ты что это вытворяешь?! – гневно спросил сидевший за столом полный мужчина в форме ГВФ. – Опять медики говорят, что ты с похмелья! Что ты себе позволяешь, Кудрявцев?!

– Да, – опустив голову, тихо отозвался стоявший у двери худощавый русоволосый летчик гражданской авиации, – пивка вчера с приятелями попил...

– Ха, пивка! – кричал полный. – Ты знаешь, какое у тебя давление? Ты знаешь, что тебя вот-вот спишут к чертовой бабушке?! А я тебя даже заправщиком не оставлю! Ты память отца своего позоришь! Или думаешь, что сыну Кудрявцева все позволено?! Ошибаешься. Я говорю тебе в последний раз, понял? Я был другом твоему отцу, но не смогу больше покрывать тебя. Опомнись, Пашка, – тихо сказал он. – Ведь доведет тебя это дело до цугундера...

– Простите, Анатолий Сергеевич, – не поднимая головы, виновато попросил Кудрявцев.

– Я это уже в третий раз слышу, – вздохнул Анатолий Сергеевич. – И жена моя, Аня, просит помочь тебе. Но это в последний раз. На меня уже все косо смотрят. Еще раз медики тебя забракуют из-за этого дела, выгоню. Как говорится, Бог любит троицу, поэтому иди... – Он махнул рукой на дверь. – Неделю болеешь, ОРЗ. Все. Сгинь с глаз моих!

– Здравствуй, Тоня! – Невысокая седая женщина зашла в открытую молодой симпатичной женщиной дверь.

– Добрый день, Надежда Павловна, – улынулась та. – Наконец-то выбрались к нам. Я уж и не надеялась...

– Что у вас с Пашей? Он...

– Пьяница ваш Паша, – перебила ее невестка. – Уже два раза от полетов отстраняли, и наверняка сегодня домой явится. Запил ваш сыночек, Надежда Павловна.

– Поэтому я и пришла, – тихо проговорила свекровь. – Игорь ведь никогда...

– Да я сколько раз вам говорила, что пьет ваш сынок. И уже давно пьет. Я удивлялась, как его до полетов допускали. А потом все, кончилось его счастье. Неделю назад не допустили. И тут же еще раз. Он же тогда еле шел, с похмелья был. И заявился домой. И сегодня уехал, а я знаю, что сейчас прибудет потомственный летчик Павел Игоревич Кудрявцев. Или думает, все ради памяти отца спишут? Не получится. Если сегодня полетит, я в суд подам. Мало сейчас самолетов разбивается?.. – вздохнула она. – А тут...

– Что с вами? – тихо спросила свекровь. – Ведь видно, что все уже не так, как было. И Паша не просто так пьет.

– Ну конечно, – засмеялась Тоня, – я во всем виновата. Я насильно вливаю ему в рот водку. Он уже дважды обещал прекратить. Вроде как бес попутал. Встретил старого друга, давно не виделись, вот и выпили. А мне, говорит, много ли надо... – Она махнула рукой. – Во второй раз вроде как...

– Тоня, – вздохнула свекровь, – мне говорили, что ты Паше изменяешь.

– Ну конечно, я во всем виновата. Знаете что, Надежда Павловна, – Антонина кивнула на дверь, – вот Бог, а вот порог. Вещи Пашкины я уже собрала, так что забирайте и выметайтесь. На улице своего сыночка подождите. Я на развод подам, и квартиры ему не видать, как и неба!.. – Она усмехнулась.

– Но квартира нами куплена, – возмущенно начала свекровь. – И ты не...

– Пошли, мама!.. – В прихожую с лестничной площадки вошел Кудрявцев. Взял два чемодана и посмотрел на мать. – Забери сумку. И ради Бога, мам, ничего не говори. Квартира не ей останется, а Светланке с Толей. Пошли, мама.

– Да не могу я больше, – развел руками Анатолий Сергеевич. – Меня самого уже надо взашей гнать. Руководитель полетов, а пьяницу покрываю. Все, еще один грех на душу возьму, но это в последний раз. Если только увижу его за три дня до вылета с бутылкой пива, выгоню к чертовой бабушке.

– Я понимаю, – тихо проговорила полная женщина лет пятидесяти. – Но ведь не просто так Пашка вдруг начал пить.

– И что? Может, мне у него поселиться и ходить за ним по пятам? Мол, ты сын моего друга, и я не могу тебя оставить. Не пей, ради Бога, Пашенька!.. – Вздохнув, он выматерился.

– Зачем ты так? – тихо проговорила жена. – Что-то случилось у него. Ведь Паша...

– Хватит, Аня. Павел взрослый человек и все прекрасно понимает. Что-то не так дома, так приди и скажи. Позвони матери, в конце концов. Но не надо пить. А тем более приходиться перед вылетом с похмелья. У него сегодня руки тряслись, а изо рта перегаром несло. Не представляешь, каково мне было в глаза медикам смотреть. Я что-то плел про его отца и вообще... – Не договорив, он снова выматерился.

Анна, вздохнув, подошла и поцеловала его в щеку.

– И все-таки ты должен выяснить, в чем дело. Поедем сегодня к Тоне и поговорим с ней.

– К Тоне? – ехидно переспросил он. – А ты знаешь, что она мне сказала по телефону? Если еще раз Пашку не допустят до полета, она напишет жалобу в прокуратуру, и вас, то есть меня, проводят на незаслуженную пенсию. Понимаешь? А мне до заслуженной осталось полгода. Так что насчет поездки к Тоне даже не думай, она что-то крутит. А Пашка слаб характером. Она всегда им вертела, как хотела. Но зачем ей это нужно, не пойму я никак.

– Да пусть все забирает, – отмахнулся Павел. – Не ей останется, а детям. А я слаб оказался. В общем, это долго пояснять, да и не хочу я сейчас ни о чем говорить.

– А ты не так и проста, – рассмеялся в телефонной трубке мужчина. – Значит, думаешь...

– А чего тут думать? – засмеялась и Антонина. – Я прямо так и сказала Румянцеву: если еще раз Пашку проведут по больничному, напишу жалобу в прокуратуру и подам в суд. Пашку вот-вот выгонят, и ты сможешь переехать ко мне.

– А твои детишки как?

– А что детишки? Дочери пять лет, сыну три года. Что они понимают? К тому же я делаю все, чтобы они с отцом бывали как можно реже. Или тебе нужна причина, чтобы...

– Перестань. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Только переехать к тебе пока не могу. Понимаешь, – он вздохнул, – это как-то не по-мужски. Выходит, я вроде как альфонсом буду. Погоди немного. Как куплю квартиру, переедешь ко мне. Пойми меня правильно...

Пакистан

Идущий по тонкому бруску надо рвом, наполненным змеями, молодой мужчина с винтовкой в руках покачнулся. Пытаясь восстановить равновесие, выронил винтовку и замахал руками. Не устоял. Раздался полный ужаса крик, который тут же оборвался.

– А почему змеи не поднимаются по столбикам? – тихо спросил Фридриха Абу Саид.

– Столбы обмотаны сплетенными из конского волоса с добавлением шкурок скунса косами, – улыбнулся тот. – Змеи не преодолевают это препятствие.

– И что будет с телом?

– Достанут крючьями. Это здесь бывает. Я же говорил, каждый десятый. Разумеется, по статистике. Бывает, месяц не падают, бывает, в день по два.

– Но, насколько я понял, за них уже уплачены деньги – и вдруг они гибнут. Как это можно объяснить?

– Да просто. Ведь и у вас, уважаемый, наверняка бывало такое. Выберете вещь на рынке или в магазине, и вдруг кажется, что-то не так. Выбросить жалко, вдруг пригодится, и используете ее не по назначению. А здесь таким образом проверяют, настоящий воин или нет. Некоторых даже спасают, я о тех, кто падал. Успевали поймать шестом с петлей. Но этот был обречен. Покупатель решил устроить себе забаву за уплаченные деньги. Вот и все. Так же и с крокодилами. Бывает, что богатые люди устраивают гладиаторские бои. Обычно в них участвуют те, кто не прошел отбор. Группа избранных сейчас там. – Он указал на огороженное высоким забором здание. – Они стоят очень дорого, потому что сроднились со смертью. Умеют убивать и не боятся погибнуть. Их от всех остальных отличают белая одежда и красные пояса. В середине одиннадцатого века в одной из стран арабского мира жил Хасан ас-Сабах. Его все называли Старец Горы. У него были воины-смертники в белых одеждах и красных поясах. Они были обучены убивать, убивать и убивать. Разумеется, за услуги обратившиеся к Старцу платили несметные богатства. И их враги обязательно погибали. Но их спасала не многочисленная охрана, не...

– Это легенда, – не дал продолжить ему Шарафутдин.

– Нет, – возразил Абу Саид. – Это факт. Красноясытники – их еще называли ассасинами, или фидосинами, хильхашишинами – первая террористическая группа на земле. Во время первого крестового похода кто-то из английских рыцарей убил племянника одного из родственников Старца. И он был убит через пять лет двумя ассасинами, которые, поступив к нему на службу, заслужили его доверие. Я много читал о терроризме во всех его проявлениях. Есть версия, что смертников программируют на совершение преступления. Так называемая черная

повязка власти над разумом, что-то вроде гипноза. Человек получает определенное задание и забывает об этом. Однако когда объект находится в поле его зрения, он совершает то, что должен. Но это используется против людей со слабой волей. И бывало, что приказ вообще не исполнялся в силу того, что запрограммированный просто сходил с ума. Что касается гипноза, это просто домыслы. Подумайте сами: какое время должен действовать гипноз, чтобы из Чечни добраться в Москву загипнотизированной на взрыв женщине? Да она просто не сможет этого сделать. Шахидок хорошо обрабатывает так называемый Учитель, или имам. Этот человек, конечно, обладает неким даром убеждения. Но только в том случае, если человек перенес какое-то потрясение – гибель по вине русских ребенка, мужа или родителей. А если все родственники погибли, то такая женщина просто находка. Это разжигает всепоглощающую ненависть к виновным в ее горе. И доведенная до крайности женщина совершает самоубийство, которое называют терактом. Впрочем, что-то я разговорился. А Старец Горы действительно был, Хасан ас-Сабах. Это не легенда, а история терроризма.

Фридрих удивленно смотрел на Абу. Шарафутдин стоял молча, и его лицо ничего не выражало.

– Покажи мне, где проводятся занятия по рукопашному бою, – сказал немцу Абу.

– Может, лучше посмотреть уже прошедших этот курс? – осмелился предложить тот.

– Конечно, – согласился Абу.

– Кто эти люди? – увидев шестерых мужчин, подходивших к двери небольшого дома, спросил Абу.

– Сейчас пройдет один из окончивших курс шахида-воина, – ответил Фридрих. – Пойдет он без оружия, тогда как эти вооружены, – добавил он. – У одного нож, у другого саперная лопатка, у третьего топор, у четвертого нунчаки, пятый владеет шестом, а последний, шестой, – толстой цепью. Все они тренировались не менее месяца. Имеют право бить по-настоящему.

– А кто они такие? – спросил Шарафутдин.

– Кого-то наняли за деньги, – пояснил Фридрих. – Других где-то захватили и предложили выбор – участие в борьбе или смерть. В случае победы они получают деньги и смогут уйти.

– Это действительно так? – удивился Шарафутдин.

– Конечно, нет, – рассмеялся немец. – Их просто выведут из центра и убьют. Хотя почти всегда их убивают здесь окончившие курс шахида-воина.

– И когда это начнется? – спросил Абу.

– Через пару минут, – улыбнулся Фридрих, – когда эти люди займут удобные позиции. Они знают, что сейчас из двери выскочит человек, которого они должны убить. В противном случае убьют их. Видите вооруженных людей? – Он показал на стоявших справа шестерых мужчин с автоматическими винтовками, в белой широкой одежде, с закрытыми белыми масками лицами. На всех были красные пояса. – Личная гвардия шейха.

Раздался звон колокола. Шестеро насторожились.

– Знак, – кивнул немец, – что после второго удара человек выйдет.

Снова ударил колокол. Из двери выпрыгнул человек в белой одежде с розовым поясом. Высоко раскинув ноги в стороны и вверх, ударил бросившихся на него вооруженных лопаткой и шестом в солнечное сплетение. Опускаясь на ноги, человек в белом рубанул ребрами ладоней по шеям согнувшихся противников. Человек с ножом сделал выпад. Шахид поймал кисть вооруженной руки, рванул на себя, ударил противника в горло ногой и столкнул с кинувшимся к нему мужчиной с цепью. Потом подсек ноги противнику с нунчаками. Падая, ударил кулаком упавшего на спину противника с нунчаками в горло. И откатился вправо, под ноги бьющего топором. Резкий удар в низ живота заставил того вскрикнуть и осесть. Удар пальцами в горло убил его. Шахид прыжком встал. Противник с цепью испуганно остановился, с размаху швырнул цепь в сторону человека в белом и бросился бежать. Тот в прыжке достал валявшийся нож и сразу метнул его. Лезвие вошло бегущему под левую лопатку. Он упал.

– А я думал, – удивился Шарафутдин, – такое только в кино возможно.

– Эти шестеро – сильные и прошедшие начальную подготовку люди, – негромко объяснил Абу. – И вели они себя соответственно. Хотя, конечно, надо отдать должное шахиду, он делал все безукоризненно.

– Не думаю, – хихикнул немец.

– А что ты в этом понимаешь? – небрежно спросил Абу.

– Но так думает и Учитель, – улыбаясь, отозвался Фридрих.

Абу и Шарафутдин увидели высокого длиннорядого человека в белом одеянии с надвинутым на брови капюшоном. Лицо человека было закрыто белой маской. Он протянул руку. Ему подали розовый пояс, который он положил на шею стоявшего перед ним на коленях шахида. Что-то негромко проговорил и трижды ударил шахида по спине плетью. Положив плеть на спину не шевельнувшегося шахида, повернувшись, пошел назад.

– Что он сказал? – удивленно спросил Фридриха Шарафутдин.

Абу тоже выжидательно смотрел на него.

– Он допустил три промаха, – перевел тот. – Оставил живым одного. – Он указал на мужчину, в руках которого был шест. Его, взяв за ноги, тащили двое в черном. – Не сразу убил противника с топором. Тот успел вскрикнуть. Дал возможность противнику с цепью какое-то время бежать. Тот вполне мог поднять шум. Поэтому он не достоин красного пояса. Ему придется постигать науку снова и воздержаться от праздной жизни в течение трех месяцев. Если у него снова не получится, он будет изгнан и наденет пояс смертника.

– Среди красных поясов есть чеченцы? – быстро спросил Шарафутдин.

– Сейчас нет, – ответил немец. – Были двое. Но один погиб во время попытки получить красный пояс и называться ассасином, то есть последователем и воином великого Старца Хасана ас-Сабаха. Два месяца назад надел пояс шахида и взорвался в Ираке. Он отнял жизнь у двоих американских солдат.

– Лучше бы в Россию пробрался, – проворчал Шарафутдин.

– Он отправился в Ирак за два дня до твоего приезда, – улыбнулся Фридрих.

– И чего здесь смешного? – ожег его взглядом тот.

– А что я сказал такого? – Немец испугался.

– Женщины здесь проходят подготовку? – спросил его Абу.

– Конечно, – кивнул тот. – Здесь были пять черных женщин Хаттаба перед отправкой в Ичкеррию. Остальных Хаттаб...

– Знаю, – кивнул Абу. – А русские?

– Славян нет, – ответил немец. – Я имею в виду русских, украинцев и белорусов. Был один из Молдавии, но погиб при втором испытании. Всего их семеро, потому как попавший в рай воин получает семь девственниц, может просить за совершивших тяжкий грех семерых родственников, и те попадут в рай. Женщину ждет семь ранее не изведанных наслаждений, а также прощение грехов семи ее родственникам. Поэтому пакистанские смертники, я говорю о мужчинах, долго время удивляли израильские спецслужбы. У них член был замотан тряпкой и закручен проволокой. Затем «Моссад» выяснил: смертники верили в то, что их ожидают семь прекрасных девственниц. Кстати, в Палестине начинают готовить смертников с одиннадцати-двенадцати лет. И семья, отдавшая сына, получает каждый месяц по тысяче долларов. В Иране во время войны с Ираком тоже забирали мальчиков четырнадцати-пятнадцати лет. Они не подрывали себя поясами. Они просто шли по минному полю, прокладывая дорогу солдатам, и подрывались. И семьи не оплакивали их. Это тоже достоверный факт. Об этом можно говорить много. Россия тоже вложила немало усилий в развитие терроризма. Народовольцы, анархисты, эсеры, в конце концов...

– Хватит, – остановил его Абу. – А как попасть на обучение к готовящему «красные пояса» Учителю?

– Невозможно, – сказал немец. – Их отбирают после десятилетнего обучения в различных центрах. Охрана небезызвестного бен Ладена состоит в большинстве из прошедших курс.

– Значит, здесь нет интересующих меня, – пробормотал Абу.

Шарафутдин, покосившись на него, вздохнул: «Выходит, у него какие-то планы. А зачем я ему нужен? Вообще-то он спрашивал о связях в России. Ладно, посмотрим, что именно он придумал и сколько я смогу на этом заработать. Разумеется, участия принимать не стану. Я не Басаев, и второго Буденновска уже не получится. Российские спецслужбы доказали, что умеют работать даже в таких, казалось бы, безнадежных ситуациях. А Абу объявился здесь не так просто. Он хочет набрать группу. Интересно, что он все-таки придумал? Теперь понятно, почему он перестал финансировать Басаева с Масхадовым. Он сам решил объявить джихад России. Хотя, может быть, я и соглашусь принять участие. Правда, не исполнителем, а стратегом. В общем, решу, когда все более-менее будет ясно. Если бы Абу что-то уже придумал, он бы не приехал сюда. Но без плана он тоже не заявился бы. Что-то не пойму я ничего...»

– Решаешь, зачем я сюда явился? – по-русски, усмехнувшись, спросил Абу. – Набрать себе небольшую боевую группу из опытных бойцов, которые готовы рискнуть и заявить о себе на весь мир. Подробности потом. А сейчас ты поможешь мне найти таких людей. Нужны как минимум десять человек, которые знают русский, умеют обращаться ножом, стрелковым оружием, взрывчаткой, владеют приемами рукопашного боя, умеют водить машину. В общем, мне нужны отличные воины. И главное, чтобы не боялись смерти и у каждого была цель отомстить России. Деньги для этого есть, и я найду таких. С твоей помощью или без тебя. Но не забудь: ты знаешь о моих планах, и поэтому тебе лучше быть со мной.

– Ты пытаешься меня запугать? – Шарафутдин усмехнулся.

– Я просто сказал, – ответил Абу, – что тебе лучше быть со мной.

«Надо продолжать делать вид, – подумал Фридрих, – что я не понимаю ни слова. Иначе меня просто бросят к крокодилам».

Он покачал головой, изображая недовольство тем, что при нем говорят на незнакомом ему языке.

– Может, и мне скажете? – обратился он к Абу. – Если вы решили найти себе телохранителей, то обращайтесь, я помогу выбрать. У нас имеются ливанцы, арабы, есть...

– Мне нужны русские, – перебил Абу. – И чтобы они были отличными воинами. Найди таких, и за каждого ты получишь по сто тысяч долларов.

– За каждого? – помолчав, осипшим от волнения голосом переспросил немец.

– При условии, что они будут ненавидеть Россию. Кроме того, мне они нужны в течение двух месяцев. Нет, в течение месяца, и запомни: если попытаешься обмануть и всучить мне не то, позавидуешь тому, кто упал в ров со змеями.

«Сто тысяч за каждого!» – мысленно воскликнул Фридрих.

– Я найду, – заверил он. – Одного, двоих, а может, и больше. Но одного – это точно, к тому же в течение месяца... По сто тысяч за каждого? – Он вздохнул. – А не обманете? Вдруг у меня будут десять клиентов?

– За доставку получишь по тысяче, – отозвался Абу. – После проверки, если я буду убежден, что это те, кто мне нужен, получишь сто тысяч за каждого.

– Сто тысяч за каждого, – вновь прошептал немец. – Но мне нужны будут деньги на расходы. Мне потребуются помощники...

– Расчет с ними – твоя забота, – заявил Абу. – Я уже объяснил, что ты должен сделать, чтобы получить деньги. И запомни: в течение месяца. Повторяю: не пытайся заработать деньги обманом. Я все сказал.

Шарафутдин стоял молча. Он о чем-то напряженно думал.

– Ты не будешь участвовать непосредственно в акциях. Просто будем разрабатывать их вместе. Ну а главный удар... – Абу Саид, вздохнув, взглянул на Фридриха. Тот невольно отступил на два шага назад. – Я скажу все, когда буду в тебе уверен.

– Мне не нравится, – негромко отозвался чеченец, – что ты, высказав свою мысль, поставил меня перед фактом и как бы принуждаешь, потому что из твоих слов я понял, что...

– Я сказал тебе то, – перебил Абу, – что никому еще не говорил. И поэтому не хочу обмануться в своих ожиданиях. Надеюсь, ты понял меня.

– Понял, – вздохнул Шарафутдин. – Я и сам не против нанести России чувствительный удар вроде Буденновска, но...

– Это не то, – сказал Абу. – Я хочу, чтобы не только Россия, но и весь мир содрогнулся.

– Мечты, мечты, – усмехнулся Шарафутдин, – где ваша сладость?..

– Со мной так нельзя, – одернул его Абу Саид.

– Извини, – поморщился чеченец, – но я привык говорить то, что думаю. Неужели ты считаешь, что русские...

– Если даже я найду десять русских, которые во всем подойдут мне, – перебил его Абу Саид, – то половина из них, чтобы доказать свою преданность мне, убьют остальных. Если русский ненавидит свою родину, то хуже его у России врага быть не может. Но признаюсь, у меня обязательно будут люди запаса. Ведь русские непредсказуемы. Разумеется, для начала тех, кого оставлю, я испачкаю в крови земляков. Кроме того, неплохо бы найти тех, кто был стодолларовым солдатом у Бараева. Басаев не прибегал к помощи русских наемников, он не верил им. К Масхадову они шли неохотно. Он использовал их в разведке, и это было для них очень рискованно. Зато Бараев пользовался русскими для разжигания ненависти у жителей Чечни и сопредельных республик. Кстати, ты слышал новость? Москва дает шанс Масхадову – ему разрешено участвовать в выборах президента Чечни. Насколько я понял, ставка сделана на Кадырова. Министр МВД России, руководитель партии «Единая Россия» или кто-то в этом роде открыто заявил о своей поддержке Кадырова на выборах. И полковник-танкист наконец-то осужден на десять лет. Правда, будет ли он отбывать срок, непонятно. Если да, то Россия может потерять доверие военных. Ведь этот полковник воевал отлично и был награжден каким-то орденом, которого его лишили вместе со званием. Все-таки русские действительно непредсказуемы. Осудили офицера, который не единожды рисковал жизнью. А у него есть дети. Что будет с ними? Почаще бы таких вояк, как Буданов, сажали, вы бы давно войну выиграли, а не отсиживались в пещерах. Впрочем, я лишь высказал свое мнение. Как думаешь, немец может помочь?

– Да, – кивнул Шарафутдин, – у него связи во всем мире. Тем более что ты просто ошарашил его суммой. Ты действительно заплатишь?

– Я предложил ему все это только потому, что он понял, о чем мы говорим. И он наверняка хоть кого-то найдет. А я заплачу его кандидату пару тысяч, и он отрежет ему голову.

– А почему ты не хочешь решить этот вопрос с Шамилем?

– Это мой джихад! – отрезал Абу. – И я все сделаю сам. Очень скоро ты обо всем узнаешь.

– Хорошо, я буду работать на тебя. Но, – чеченец ухмыльнулся, – ты переведешь на счет в швейцарском банке миллион.

– Пятьсот тысяч, и ты получишь наличными сто тысяч евро. Это все, что я могу предложить. Разумеется, с сегодняшнего дня ты живешь за мой счет.

– Может, посветишь меня в детали?

– Деталей я пока сам не знаю. Сейчас наберу команду, а потом преподнесу сюрприз России и всему миру.

– Мне нужны русские, – быстро проговорил Фридрих, – хорошие, тренированные воины. Хорошие, – повторил он. – За доставку каждого получишь по пять тысяч евро. А если они

пройдут проверку, то еще по десять. Расходы за доставку мои. Но они все должны быть солдатами и ненавидеть Россию.

– Не встречал русских, – усмехнулся в сотовом мужской голос, – которые бы ненавидели Россию. Правительство, чиновников – это пожалуиста, но...

– Нужны такие, – перебил его Фридрих, – кто готов воевать со своей родиной без правил. Разумеется, за очень хорошие деньги.

– Попробую. Но я понесу некоторые расходы...

– Сохраняй чеки и билеты, и я все оплачу.

– А на слово, значит, не поверишь? – усмехнулся собеседник.

Ирак

– Убиты сыновья Хусейна, – глухо проговорил полковник иракской армии. – Они погибли в бою. Их тела янки хотят сжечь, а пепел развеять по ветру. Вчера выступил Саддам Хусейн и призвал народ к сопротивлению. Назвал президента США и премьер-министра Великобритании лжецами. По СМИ прошел слух о его аресте. Но это очередная ложь, Хусейн жив и продолжает бороться с захватчиками. В Тикрите арестован его бывший телохранитель. Он оказал сопротивление, но его все же взяли живым. Надеются с его помощью выйти на президента. Но Хусейн неуловим, и мы победим. Слава нашему президенту! – Он бросил вверх сжатую в кулак руку.

– Слава Хусейну! – негромко повторил хор мужских голосов.

– Мне это порядком начинает надоедать, – прошептал Иван. – Обещали неплохие деньги, а тут последний хрен без соли доедаешь. Меня, например, наняли ребята из так называемого славянского батальона. Хотя я тебе уже говорил, как попал сюда... Извини, давняя привычка не говорить правды.

– Знаешь, – усмехнулся Валерий, – мне кажется, что ты здесь не для того, чтобы помочь иракцам.

– Давай не будем об этом, – отмахнулся Иван. – Просто я не хочу впустую прожить жизнь. Мой отец был военным. Я еще в детстве понял, что из меня не выйдет знаменитого писателя, не стану я и признанным артистом, не сделаю какого-то научного открытия и так далее. Поэтому и выбрал армию. Был уверен, что совершу подвиг и мое имя войдет в историю. Но увы, сейчас если и узнают о моих подвигах, то узкий круг, и дело ограничится приговором суда, и доживать дни я буду в камере для осужденных на пожизненное заключение. А я этого не хочу, и этого не будет. Вот что, земляк, давай выбираться из этого дерьма. Здесь мы не получим ни денег, ни славы. Надо уходить.

– Да я тоже об этом подумываю. Вопрос в том – как? Сюда попасть для меня не составило проблем, а вот как уйти? К тому же, знаешь, твое вранье разочаровывает... Солдат ты, может, и хороший, но как человек – дерьмо. Значит, ты запросто можешь наврать или уже наврал. А зачем? Ведь...

– А ты мне правду говорил? – перебил его Иван.

– Да на кой черт мне тебе брехать? К тому же вроде сейчас мы оба с тобой нуждаемся друг в друге. Например, я с удовольствием разговариваю с тобой на языке, на котором сказал первое слово.

– Не привык я быть откровенным, – засмеялся Иван. – Как хочешь это понимай, обижайся или презирай – дело твое. Например, могу заявить, что если тебя где-то подранят, а рядом буду только я, единственное, что смогу для тебя сделать, – пристрелить, и то если патронов будет достаточно. Вот так-то. Здесь о нас пишут в газетах – такой-то спас своего однополчанина. Нет, это не подвиг, и я спасать тебя не буду. И тебе не советую.

– Я это понял, – усмехнулся Валерий, – но надеюсь, что, прежде чем уйдешь, хоть пристрелишь.

– Если выстрел никто не услышит, – вздохнул Иван, – и патронов будет достаточно. И конечно, если время будет. Если будет оно, это самое время, то прирежу, если патронов будет маловато – расшибу голову. Но при условии, что на это хватит времени.

– Спасибо и на этом, – холодно улыбнулся Валерий. – А теперь скажи, как я могу с тобой идти? Ведь ты меня...

– Только при том условии, – перебил Иван, – что тебя могут взять в плен. Даже если и не смогут взять, раненого я тебя не поволоку. Сам понимаешь – чужая страна, все другое, и надежды на то, что кто-то найдет и поможет, нет. А в таком случае тащить раненого – значит взвалить на себя опасную обузу. Один, может, и уйду, а вдвоем шансы практически равны нулю.

– Вообще-то ты прав, – немного помолчав, кивнул Валерий. – Но тогда и ты не рассчитывай на мою помощь.

– Я всегда рассчитываю только на себя, – засмеялся Иван. – Завтра утром на операцию. Дня за четыре доберемся до Эн-Наджафа. Там мы и отвалим. За то время, пока будем двигаться с группой этих партизан, разработаем план, куда идти и что делать. Карта у меня есть, кроме того, за это время приготовим все, что понадобится. И еще, – он оглянулся на стоявших вокруг полковника партизан, – тут можно взять денег. Американские доллары, а нам они потребуются. Я знаю, что у полковника есть дипломат с баксами, там около двадцати пяти тысяч. В конце концов, мы просто заберем то, что нам должны заплатить. Просто так пусть иракцы воюют. А мы наемники, дикие гуси, поэтому, раз платить не собираются, возьмем сами. Надеюсь, ты не скажешь об этом иракцам?

– Естественно, нет. Даже больше того – помогу забрать. Конечно, если они там имеются.

– В дипломате. Я сам видел.

– Тогда будем брать.

– А у тебя в России кто-нибудь остался?

– Могила отца.

– Ты говорил про какой-то счет к России. Может, поделишься? Что ты ядерной державе предъявить хочешь?

– Давай пока об этом не будем.

– Хорошо, повременим.

– Идите сюда, – услышали они, – нужен ваш совет.

– Это мы запросто, – поднимаясь, по-арабски отозвался Валерий.

– А еще какие языки ты знаешь? – спросил на пушту Иван.

– Несколько. – Валерий улыбнулся. – А если полковник не пойдет с нами? – по-русски спросил он. – Или не возьмет дипломат?

– Он с ним не расстается, – ответил Иван.

Они подошли к расступившимся иракцам. На плоском камне лежали карта и несколько фотографий.

– Вот мост, – показал на фото полковник, – его надо взорвать. Янки восстановили его, но охрана там небольшая. Основная группа атакует расположенные здесь, – он указал острием кинжала, – палатки янки. Там два взвода. Группа обезьян, – он посмотрел на длиннорукого иракца в пробковом шлеме и широких белых шароварах, – держит дорогу отсюда. Ты, Масуд, – он перевел взгляд на низкорослого темнокожего партизана, – в это время атакуешь парк бронетехники. Если удастся что-то вывести из строя или уничтожить, отлично. Но в основном делаете видимость атаки. Вы, – обратился он к Валерию и Ивану, – взрываете мост. Вот его фотографии. – Полковник протянул несколько снимков Валерию. – А это план строительства. –

Он сунул в руки Ивана сверток. – Чертеж и все остальное. Взрыв должен быть один, но такой, чтобы мост был разрушен.

– Тогда надо работать с одной из береговых опор, – проговорил по-арабски Валерий. – И взрыв должен быть направленным, – взглянул он на Ивана.

– Я думаю так же, – кивнул тот.

– Выбран временно исполняющий обязанности президента, – сообщил вошедший иракец, – из числа предателей...

– Долго он не будет руководить Ираком, – как клятву, произнес полковник. – Да здравствует Саддам Хусейн! – Все, кроме русских и еще десятых наемников, среди которых был один европеец, повторили его слова.

– А он будет править всего месяц, – улыбнулся вошедший, – потом его сменит представитель другой партии. Всего их двадцать пять, поэтому и пришли к такому соглашению.

– Занятно... – Полковник шлепнул ладонями по карте и выпрямился. – Отдыхать. Выступаем ночью. Двигаемся предельно осторожно. В столкновения не вступать. Наша цель – мост.

– Знаешь, – выплюнув окурок сигары, вздохнул чернокожий морской пехотинец США, – что-то мне перестает нравиться эта туристическая поездка. наших парней гибнет все больше и больше. Так что, я думаю, пора бы нам убираться отсюда.

– Не один ты так думаешь, – проговорил рыжеволосый здоровяк. Отпив из фляжки, сплюнул. – Например, я не чувствую себя в безопасности нигде. Когда вели боевые действия, мне было намного спокойнее. А сейчас... Вон идет женщина. – Рыжеволосый кивнул на несущую большой кувшин женщину. – Что там у нее? – Он надел каску. – И стрелять не разрешают. Если пойдет в нашу сторону, выпущу весь диск. – Он припал к ручному пулемету.

– Слышите? – Один из морских пехотинцев, повернувшись, приподнял автоматическую винтовку. – Крик и выстрел.

– Женщина кричала, – равнодушно отозвался чернокожий сержант. – Скорее всего снова кого-то грабят. Нам приказано не вмешиваться, если не у нас на глазах. Да если и увижу, сделаю вид, что все о'кей. Наш капитан говорит – не влезайте в схватки с преступниками, и без них головной боли хватает.

Патрульные, ускорив шаг, двинулись дальше.

* * *

– Быстрее, – поторопил стоявший у окна иракец с пистолетом, – а то вызовут полицейских. Сейчас они уже опять появились. Недавно нашим пришлось убрать двоих. Вмешались, когда парни забирали девчонку. Сейчас за девочек неплохо платят. Да шевелитесь вы! – прикрикнул он на двух поделщиков, собиравших вещи на разостланный коврик. На полу лежала женщина с топориком в руке. Из-под ее левого бока вытекал ручеек крови.

– Чуть не убила тебя, – усмехнулся бандит с пистолетом.

– Все, – свернув коврик с награбленным, кивнул другой. – Правда, не очень, но...

– Пошли, – поторопил первый.

– Не бойся ты, – спокойно проговорил третий. – Сейчас никто ничего не видит и не слышит. Американцы не вмешиваются, им хватает и партизан, так что лишний раз лезть под пули они не будут. Местная полиция после убийства только что назначенного начальства с телохранителем делает вид, что работает. Сейчас надо брать все, что можно, пока полное безвластие. Ведь таких, как мы, полно, конкуренция особенно по ночам чувствуется. – Он засмеялся.

– Так и сделаем, – кивнул Иван. – А у тебя голова на месте, – одобрительно проговорил он. – Соображаешь, куда положить и откуда вынуть.

– Просто не хочу здесь за просто так погибать, – ответил Валерий. – Я думал, янки тут действительно по черепу настукают как следует. Но ничего и близко не было, так, одна видимость. Хусейн предрекал затяжную войну и поражение американо-британской коалиции. А на самом деле...

– Сейчас все только и начинается. Но я с тобой согласен, надо уходить. А вот куда?

– Главное, из Ирака благополучно выбраться, куда удобнее. Но это тоже потом решим, в зависимости от ситуации. Я думаю, что нам лучше...

– Сам сказал – потом. – Иван посмотрел на часы. – Давай-ка поспим немного, – укладываясь, предложил он.

– И сколько я получу? – спросил худощавый бородач. В правой руке он держал телефонную трубку, в левой – кальян. Выслушав, усмехнулся. – Я постараюсь, но твердо обещать не могу. Здесь, конечно, есть иноземцы, но не думаю, что имеются те, кто тебе нужен. Хотя, может быть, и такие найдутся. Все разубаю сегодня же. Если будет что-то подходящее, перезвоню... – Он замолчал. Затем засмеялся. – Конечно, как только кто-то подходящий попадется, я свяжусь с тобой. Или ты будешь мне платить лишь... – Замолчав, послушал и довольно улыбнулся. – Все понятно, помогу обязательно.

Чечня

Молодая чеченка с двумя сумками в руках осторожно поднималась по узкой горной дороге. Остановилась, поставила сумки, вздохнув, посмотрела на часы. И настороженно вслушалась.

– ...возьмем, – услышала она, – куда они денутся. И Басая и Масхадова хапнем. И вздернуть бы их сразу!

Она, вздохнув, посмотрела вверх, откуда донеслись приближающиеся голоса.

– Лапы в гору! – Из-за кустов вышли четверо солдат внутренних войск.

– Я живу в селе, – поспешно подняв руки, испуганно проговорила девушка. – Мы...

– Заткнись! – Не опуская ствола автомата, рыжеватый солдат медленно пошел к ней. За ним, посмеиваясь, двинулись остальные. – Обыскать! – остановившись в двух шагах от девушки, приказал рыжеватый.

– С удовольствием! – Кабан шагнул вперед.

Она почувствовала запах спиртного и отшатнулась. Руки верзилы схватили ее и притянули к себе. Облапив талию девушки, он стал гладить ее грудь. Она, взвизгнув, неожиданно сильно ткнула его коленом в пах и тут же толкнула в грудь. Присевший со стоном Кабан сделал шаг назад и плюхнулся на задницу. Рыжеватый и двое остальных кинулись к девушке. Она бросилась бежать. Конопатый с лычками старшего сержанта толкнул девушку стволом автомата между лопаток. Она, вскрикнув, упала. Мужчины в солдатской форме, подскочив, стали срывать с кричащей девушки одежду.

– Сучка! – промышчал поднявшийся Кабан. – Пришибу...

Он вытащил штык-нож.

– Сдурел?! – заорал Власов. – Эту чеченскую шлюху надо хором отодрать, чтобы не рожала воинов Аллаха, мать его!

– Солдаты! – крикнула женщина с растрепанными длинными волосами. – Женщину насилюют!

Трое российских солдат побежали наверх. Четвертый, присевший с насосом у спущенного колеса, бросился к правой дверце и схватил переговорное устройство.

Пожилой чеченец с мотыгой в руках, выбежав из-за поворота, увидел на земле обнаженную дочь. На ней лежал мужчина в камуфляжной куртке. На погонах были нашивки ефрейтора. Что-то гневно выкрикнув, отец Седа изо всех сил ударил его мотыгой. И еще раз. Отбросив мотыгу, столкнул солдата и присел.

– Седа, – прошептал он, – доченька!.. – Девушка застонала. – Седа... – Отец, задрожавшими руками начал укрывать ее разорванной блузкой.

Раздался топот. К ним бежали трое солдат. Заорав что-то нечленораздельное, отец схватил мотыгу и, замахнувшись, пошел на троих подбегавших солдаты.

– Спокойно, дед! – остановившись, закричал первый. – Это не...

Откуда-то сзади простучала автоматная очередь. Старик упал на спину. Солдаты вскинули автоматы. С двух сторон по ним ударили выстрелы. Один из них, падая, все-таки успел выпустить короткую очередь.

– Папа... – застонала девушка.

– Быстрее! – Из зарослей выскочили трое бородачей с оружием. – Уходим! Сейчас подкрепление придет.

– Папа!.. – Сухими, невидящими глазами девушка смотрела на тело отца.

– Они его убили, – быстро проговорил один из боевиков. – А мы – их. Рядом были, услышали крики – и сюда. Пошли!

Двое других, подхватив девушку за руки, подняли ее. Надев на нее снятую с одного из своих куртку, старший группы попытался увести ее. Солдат со спущенными штанами застонал. Девушка вырвалась и, схватив валяющуюся рядом с убитым отцом мотыгу, трижды ударила ефрейтора по голове. Внизу грохнул взрыв.

– Быстрее! – поторопил всех бежавший снизу боевик. – Федералы!

– Хава! – Причитая, пожилая женщина вцепилась себе в волосы. – Хава, дочь моя! – И, не расцепляя пальцев, закачалась из стороны в сторону.

– Что такое? – подбежала к открытой калитке пожилая чеченка в платке.

– Хава, – со стоном отозвалась плачущая, – изнасиловали гяуры... Да падет гнев Аллаха на головы неверных! – подняв руки вверх, закричала она.

– Тише, – попыталась успокоить ее подбежавшая женщина. – Услышат. Здесь...

– Посыпаю себе голову пеплом, – причитала мать девушки. – Ненавижу гяуров! Ненавижу! – отчаянно крикнула она.

– Славно поработали! – отпив из фляжки, хмыкнул Кабан. – Правда, мне она чуть яичницу не сделала. А солдатика мы кстати прихватили, – подмигнул он остальным.

– Получила она по полной программе, – усмехнулся русский здоровяк. – А со второй побаловались подольше. Взяли хорошо, а вот третью не вышло. На третью меня бы, наверное, и не хватило.

– А меня бы еще на парочку вполне! – хохотнул Власов.

– Славно у вас все получилось, – одобрил вошедший Сулейман. – Молодцы! А то, что русского солдатика прихватили, вообще здорово. Как догадались?

– Зюзик надоумил, – кивнул на конопатого Кабан.

– Седа добила его, – рассмеялся Сулейман. – Славно сработано, – повторил он и достал доллары. – По пятьсот каждому. И вечером у вас праздник. Оторветесь, как говорят в России.

– А бабы будут? – спросил Власов.

– Разумеется. – Сулейман вышел.

– Конечно, если об этом узнают чеченцы, – пробормотал Басаев, – то...

– Все только и говорят о том, – перебил его лысый араб, – что русские изнасиловали Седу Мусаеву, убили ее отца, который перед смертью сумел расправиться с одним из обидчиков. В село вошли рота десантников, милиция и бронетехника. Жители продолжают высказывать свое возмущение. Вполне можно спровоцировать столкновение.

– Не надо, – возразил Басаев. – Это будет чересчур. Если, конечно, жители сами схватятся с солдатами или милицией, помочь нужно будет. А что со второй?

– Дня через два придет к нам, – усмехнулся вошедший Сулейман, – и попросит пояс. Она опозорена и теперь сама пойдет на смерть. А Седу хоть сейчас посылай, – рассмеялся он.

– Рано, – сказал Басаев. – Их надо будет к выборам подготовить.

– Хава, – раскачиваясь из стороны в сторону, причитала пожилая чеченка, – что ты, дочь, надумала?

– Гяуры убили моего дядю, – тихо отозвалась одетая в черное девушка, – отца и брата. Я считала, что зря они пошли в горы. Думала, русские несут нам хорошую жизнь, тепло, еду и работу. Теперь я поняла, что неверным собакам нет места в наших горах. И да покарает их Аллах! И да поможет мне Аллах отомстить за поруганную честь! – Она заплакала, но тут же вытерла слезы. – Я уйду сегодня, – тихо, как о твердо решенном сообщила она матери, – я отомщу русским собакам и окажусь в раю, где Аллах простит мне все мои грехи и грехи моих семерых родственников. Я не верила в это, а теперь поняла, почему женщины идут на смерть.

– Доченька... – тяжело вздохнула мать.

– Лично я отрезал бы головы этим русским псам! – злобно проговорил крепкий парень в джинсах. – наших девушек...

– Иди и режь, – недовольно прервал его плотный чеченец. – Гяуров в Ичкерии сейчас везде полно. А эти псы, – он презрительно кивнул вправо, – предали и своих собак, и нас предадут в любое время. Но без таких, как они, пока нельзя. Сам, наверное, чувствуешь, как к нам стали относиться жители городов, да и сел тоже. На выборы пойдут, работу получили, и многие в открытую проклинаят и нас, и...

– Так все равно неправильно делают, – перебил парень. – Зачем Учитель гипнотизирует...

– Ты договоришься, что самому язык отрежут. А можешь и на суд шариата попасть. Там приговор один – забьют камнями. И те же женщины, за которых ты так переживаешь, камни в тебя бросать будут.

– Убитый солдат разведроты ВВ ефрейтор Гладышев, – недовольно проговорил майор, – позавчера самовольно оставил пост и ушел с оружием. Как говорят его товарищи, хотел отомстить за своего двоюродного брата, убитого под Ножай-Юртом. Вот Гладышев и решил на манер чехов кровником стать. Солдат бывалый, в Чечне больше года...

– Значит, вы исключаете, что Гладышев мог изнасиловать девушку? – перебил его подполковник военной прокуратуры.

– Конечно.

– А может, Гладышев таким образом и решил отомстить за своего двоюродного брата? – задал вопрос молодой мужчина в штатском.

– Я знаю, что говорю! – вспыхнул майор.

– И тем не менее, – вздохнул сотрудник ФСБ в штатском, – будем проводить расследование. Это уже не первый случай. Мало нам Буданова. Хотя многие считают, что полковника сделали козлом отпущения: видите, жители Чечни, как мы к вам относимся, несмотря на то что вы помогаете бандитам. Награжденного орденом Мужества за боевые действия в Чечне полковника посадили на десять лет. И вот что интересно – а судьбы кто?

– Перестаньте, капитан! – резко оборвал его следователь военной прокуратуры. – Что вы себе позволяете? Буданов совершил преступление и понес заслуженное наказание.

– А в Москве, значит, просто чокнутые бабы рванут пояса шахидов, – усмехнулся сотрудник ФСБ.

– Перестаньте, – снова остановил его следователь. – Здесь совершено преступление. Убит отец изнасилованной девушки.

– А вы не заметили маленькую деталь, – перебил его контрразведчик. – Трое солдат убиты из автоматического оружия. Женщина изнасилована по крайней мере тремя, тогда как Гладышев...

– Хватит, капитан, – поморщился следователь.

– Я могу идти? – осведомился майор.

– Идите, – отпустил его капитан ФСБ. Майор, козырнув, вышел. – Надо найти пострадавшую, – сказал фээсбэшник. – Иначе мы сделаем...

– Ее уже опросили, – не дал договорить ему следователь. – И она, чтобы не быть объектом пересудов и кривотолков, уехала к родственникам.

– А вы уверены, что не к ваххабитам? – спросил капитан.

– Ну бросьте! – отмахнулся тот. – Вы не знаете местных нравов.

– Найдите девушку, – включив переговорное устройство, приказал капитан.

– Ее мать говорить с нами не желает, – отозвался голос. – Кинулась на нас с лопатой.

Подошли соседи, настроены враждебно. Мы почли за лучшее уйти. Мать девушки проклинает нас.

– И все-таки постарайся установить местонахождение девушки, – попросил его капитан.

– Успокойся, – прислушиваясь, тихо проговорил боевик. – Сейчас за тобой придут, и ты...

– Дайте мне взрывчатку, – прошептала Седа, – и тогда...

– Успокойся. Сейчас тебе надо отдохнуть. Обидчики твои убиты.

– Ненавижу русских, – прошептала Седа. – Я...

– Пошли!.. – из кустов бесшумно вышел худощавый молодой чеченец с автоматом.

* * *

– Гяуры проклятые! – процедил смуглый бородатый мужчина. – Ненавижу!.. И смою позор своего рода кровью неверных. Аллах акбар, – приглушенно проговорил он.

Пожилая женщина, раскачиваясь из стороны в сторону, тихо запричитала:

– Да покарает вас Аллах!.. Пусть ваши матери сохнут от болезней!.. Да настигнет вас кинжал правоверного и прольет кровь...

– Я не поддерживал ни своего брата, – процедил мужчина, – отца Хавы, ни племянников. Но сейчас я обнажаю кинжал. Джихат!

– Я отомщу, – прошептала Хава.

– Да поможет тебе Аллах! – Учитель огладил длинную бороду.

– Ни та ни другая, – заявил Сулейман, – не должны увидеть людей Кабана. Представьте, что будет, если они их узнают... Все сделано удачно. Особенно с Седой. Жители села уверены, что это действительно дело рук гяуров. Некоторые призывают к мести. Родственники Хавы и ее отца собирают совет рода. Ну и, конечно...

– Что у вас в Моздоке? – перебил его Басаев. – Все сделано? Русские собаки должны понять, что им нигде не будет спасения от воинов Аллаха. Не погиб в Ичкерии, так сдохнешь на больничной койке. Нет пощады врагам Аллаха и ваххабизма. Аллах акбар!

– Аллах акбар! – отозвались остальные.

– Взрывчатка доставлена, – сказал Сулейман. – Водитель прибыл. Автомобиль нашли и загрузили взрывчаткой. Все у нас получится. Все-таки взрывчатки около тонны в тротиловом эквиваленте, поэтому взрыв будет страшной силы.

– Да поможет нам Аллах, – проговорил лысый араб.

– Девушек, обесчещенных гяурами, – заявил Басаев, – используем во время выборов. Все надо хорошо подготовить и осуществить. Задерживать девушек здесь не следует, иначе гяуры могут вычислить их...

– Все тщательно продумано, – осмелился прервать его Сулейман. – Отпускать их нельзя. Здесь их ненависть будет подогреваться нами. Тогда как там...

– Возьми их под свой контроль, – распорядился Басаев и взглянул на стоявшего у входа рослого чеченца с зеленой ленточкой на лбу. – Что с деньгами?

– Тамара два дня назад, – ответил тот, – вышла на связь и сообщила, что деньги у нее. Згуриди пытался уехать из Грузии с деньгами и убит ее людьми. Больше на связь она не выходила.

– Направь к ней человека, – решил Басаев. – Пусть поторопится с деньгами. Горец ждет уже два дня, и его вполне могут засечь гяуры. Деньги нужно доставить сюда в течение трех дней.

– Так будет. – Рослый вышел.

– Неверные обесчестили дочь Мусаева! – громко кричал низкорослый бородатый чеченец. – Отец заступился за дочь, и они убили его. Мы всегда...

– Милиция, – шепнул стоявший рядом с ним парень.

К собравшимся около дома Мусаевых быстро шли вооруженные автоматами чеченские милиционеры.

– Разойдитесь, люди! – остановившись, громко заговорил молодой капитан чеченской милиции. – Это явная провокация, солдат не мог насиловать дочь Мусаева, он был без сознания. Его самого захватили...

– Но видели, как русские рвали одежду на Седе! – крикнул кто-то.

– Кто видел? – Милиционер осмотрел собравшихся. – Пусть скажет мне! Кто видел? – повторил он. – Если это так, то пусть утверждающий это первым бросит в меня камень. Кто видел? – в третий раз спросил он.

– Где этот мужчина? – наперебой начали спрашивать женщины.

– Разойдитесь с миром, – выждав паузу, предложил милиционер. – Следствие установит виновника, и тот, кем бы он ни был, будет наказан. Кто из вас видел Седу?

– Она ушла от позора, – тихо, не поднимая головы, проговорила мать девушки. – Она убьет себя. Она не будет жить опозоренной.

Закрыв глаза, женщина начала молиться. Стоявшие перед калиткой трое милиционеров и пятеро солдат ВДВ переглянулись.

– Больше ничего не скажет, – покачал головой один из милиционеров.

– Объявили амнистию, – тихо говорил сидевший перед входом в пещеру молодой чеченец. – Если не участвовал в совершении взрывов и захвате заложников, а только воевал, наказывать не будут. Пойдем к людям, Захра, неужели ты хочешь...

– Я должна отомстить за убитых неверными отца и мать, – отозвался тихий девичий голос.

– Они погибли от случайного попадания снаряда, – горячо начал чеченец, – и не...

– Уходи, Мурад! – заплакала девушка. – Уходи.

– Пойдем к людям, – повторил он. – Зачем тебе погибать во славу того, кого нет? Аллах запрещает убийство мирных людей, стариков и детей. А ваххабиты меняют веру в Аллаха так, как надо им. Пойдем, Захра, я смогу вывести тебя.

– Сюда идут! – испуганно воскликнула она. – Приходи ночью, и я отвечу тебе.

Он, сжимая автомат, бесшумно скользнул влево.

* * *

– Да осветит вашу душу Аллах всемогущий, – чуть нараспев произнес Учитель, вошедший к четырем сидевшим на ковриках молодым чеченкам в черных одеждах.

Те, встав на колени, коснулись лбами каменистой поверхности пещеры.

– Славен всемогущий Аллах, – одновременно проговорили они, – и верный последователь его, наш духовный отец Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб!

– Аллах акбар, – провозгласил Учитель, – и слава Ваххабу. Отдадим жизнь за священную веру.

– Да прольется кровь неверных, – в один голос отозвались женщины.

– Готовы вы вписать свои имена в священную книгу Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба? – протяжно спросил Учитель.

– Аллах акбар, – ответили женщины. – Да славен будет духовный отец Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб.

– Так восславим всемогущего Аллаха и духовного отца Ваххаба кровью неверных. – Повернувшись, Учитель простер руки. – Следуйте за мной, сестры, и да прольется кровь неверных во славу Аллаха и духовного отца нашего Ваххаба.

– Аллах акбар, – повторили женщины. – Прольется кровь неверных во славу Ваххаба.

– Пойдемте, сестры! – Учитель поднялся.

– Чего они хотят? – дрожавшим от испуга голосом спросил молоденький солдат в разорванном камуфляже и со следами побоев на лице.

– Убивать будут, – равнодушно отозвался лежавший на каменистой поверхности с заматанными колючей проволокой руками окровавленный мужчина неопределенного возраста. – Скорей бы кончали, чехи поганые! – Он сплюнул кровавую слюну.

– Я жить хочу! – тонко закричал солдат. – Я и не воевал еще! Я только приехал, а...

– Хоть умри по-мужски! – Мужчина снова плюнул кровью. – Поэтому мы и не можем их кончить, что салажат сюда посылают. Солдат!.. – насмешливо протянул он, глядя на юношу.

– Молчи, собака! – пнул его ногой в живот плотный боевик.

– Я хочу жить! – всхлипнул парень. – Не убивайте меня! Я никого еще и не убил. Я сделаю все, что вы скажете! Не убивайте меня!

– Заткнись, щенок! – промычал связанный. – Хоть умри-то по-мужски.

– Я тебя буду убивать долго! – Присев рядом, боевик вытащил длинный нож. – Сначала отрежу тебе уши, потом вырву ноздри. Раздроблю пальцы на руках и ногах. Потеряешь сознание – подожду, торопиться мне некуда, – усмехнулся он.

– Не думаю, что у тебя все это получится, – прохрипел связанный. – От боли я скорее всего сразу сохну. Так что давай начинай, гнида!.. – Он попытался улыбнуться.

– Гяур! – Боевик ударил его кулаком в окровавленное плечо.

– Хватит, – входя, тихо проговорил Сулейман. – Уходите, – махнул он рукой.

Плотный и еще двое боевиков вышли.

– Черные женщины... – Повернув голову, связанный увидел вошедших чеченок в черных одеждах. – Я думал, вас всех вместе с Хаттабом к вашему Аллаху отправили. А выходит, живете еще, сучки! – Он плюнул кровью в их сторону.

– Я жить хочу!.. – Волоча замотанную в колене левую ногу, парень попытался отползти от вошедших женщин. – Я жить хочу! Мама заплатит, сколько вы захотите!

– Ты хоть мать-то не тронь, – простонал связанный. – Были бы у тебя родители из новых русских, ты бы сейчас в кабаке с телками сидел... – Он скривил разбитые губы.

Учитель, протянув руку, указал на связанного.

– Убейте кафира! И во славу Аллаха будет его смерть ужасной.

Женщины неувовимо быстрыми движениями выхватили искривленные острые ножи.

– Сколько бы мы с вами детишек наделали, – попытался проговорить тот. – Запомни, парень, – повернулся он к скулившему солдату. – Прапорщик Михайлов в гробу видал все эти дела...

Одна из женщин, шагнув, наотмашь полоснула его ножом по лбу. Из раны обильно потекла кровь. Две другие, подскочив, присели. Солдатик, зажимая себе рот, широко раскрытыми глазами смотрел на распарывающих штаны прапорщика женщин. Короткий взмах изогнутого лезвия, и прапорщик, не успев вскрикнуть, потерял сознание. Две другие женщины одновременно отрезали уши прапорщика.

– Кафир должен улыбаться, – усмехнулся Учитель, – чтобы госпожа, посмотрев на раба, осталась довольна.

Одна из женщин вспорола щеки прапорщика.

– Пусть кафир очнется, – негромко проговорил Учитель.

Рослый мужчина в черном, шагнув вперед, вылил на прапорщика ведро воды. Тот застонал. Женщины стали отрезать ему пальцы на руках и ногах.

– Мама!!! – закричал солдатик.

– Хочешь жить? – спросил его Сулейман. – Вспори ему живот, – выхватив кинжал, он сунул рукоять парню, – и будешь жить. Иначе с тобой поступят так же. Докажи, что ты не убивал наших женщин и детей. Соверши угодное Аллаху дело.

Солдат, всхлипнув, не отрываясь смотрел на отрезанные пальцы прапорщика.

– Чего ждешь? – громко спросил Сулейман. – Значит, ты врал! – Он вырвал кинжал из руки солдата.

– Я убью его! – заверещал тот. – Я сделаю это! Дай нож! – Он протянул дрожащую руку.

Сулейман вложил в его пальцы нож и сжал их в кулак. Парень, не сводя испуганного взгляда с прапорщика, поднялся и, прихрамывая, двинулся к нему. Подойдя, глотнул воздух и, покосившись на чеченок с окровавленными ножами, заорав, падая на колени, воткнул кинжал в бок прапорщика. И, продолжая кричать, начал наносить беспорядочные удары. Мужчина с кинокамерой снимал солдата.

– Плюньте в кровь неверного, – негромко проговорил Учитель. – И запомните: чем больше прольется крови этих собак, убивших ваших родственников, тем чище будут ваши души, и простятся Аллахом все земные грехи семи ваших родственников, тех, на кого вы укажете. Омойте кровь с рук в чистой воде и запомните крики ужаса другого, который, чтобы спасти свою жизнь, убил единоверца. Готовьтесь к своему джихаду! И пусть прольется кровь неверных собак. Аллах акбар! Да победят в войне с неверными воины Ваххаба!

От сильного удара в подбородок молодой чеченец упал.

– Продал душу шайтану! – пнул его ногой плотный ваххабит. – Кто купил тебя, собака?

– Я просто хочу, – простонал тот, – спасти Марьям. Мы любим друг друга, а вы делаете из нее...

– Собака! – снова пнул его плотный. – Будь проклят твой род! – Он плюнул в лицо парня. – Ты попадешь в ад, и все твои...

– Развяжи меня! – Парень попытался разорвать стягивающие его руки веревки. – И тогда я вырву тебе горло, пес! Мой отец...

– Хватит, – остановил его подошедший Сулейман. – Значит, ты говоришь, что вы с Марьям любите друг друга. Позовите сюда Муратову.

– Она здесь, – отозвался мужской голос.

– Марьям, – посмотрел на девушку Сулейман, – неужели ты тоже предала дело, ради которого погиб твой отец? Ты же сама говорила, что готова предстать перед Аллахом в раю, заслужив эту милость множеством убитых тобой неверных.

– Я не знаю, о чем он говорит, – дрожащим голосом отозвалась она. – Я хочу отомстить за убитого русскими собаками отца и готова предстать перед Аллахом...

– Опомнись! – остановил ее голос Мурада. – Ты...

– Убей предателя, – Сулейман вложил в руку девушки рукоятку ножа, – и Аллах простит тебя. Тогда ты сможешь отомстить неверным. Убей предателя!

– Марьям, – застонал парень, – ты...

Девушка ткнула ножом. Острие попало в шею. Она ударила еще раз и еще. Парень с разрезанным горлом, обливаясь кровью, катался по земле. Марьям, что-то крикнув, стала колоть его ножом. Он затих. Она, вся в крови, продолжая бессвязно бормотать, наносила удары. Сулейман вытащил пистолет и, сняв с предохранителя, поднес ствол к ее затылку и нажал на курок.

– Сожгите их, – сунув пистолет в кобуру, буркнул он.

– Госпиталь полностью уничтожен, – довольно улыбаясь, доложил невысокий чеченец. – Взрыв был такой силы, что рядом, в общежитии фабрики выбиты стекла, и...

– Пусть знают неверные собаки, – криво улыбнулся лысый араб, – что если их не убили в Ичкерии, то и госпиталь станет им братской могилой.

– Неверные снова будут кричать на весь мир о нашей жестокости, – рассмеялся Басаев. – Но воины зеленого знамени Аллаха и духовного отца Ваххаба достанут их везде. Неверные так и не поняли, что мы еще живы и будем наносить удары где захотим. Они быстро забывают, что мы готовы на все ради победы. И даже смерть лучших из нас наносит им большой урон. Сейчас начнутся чистки среди своих. Неужели они не понимают, что если машина с тонной взрывчатки едет, то не важно, где ее остановят? Взрыв будет страшный, и обязательно погибнет много народа. Мы еще поступаем благородно – шахид взорвал госпиталь, а не дом с мирными жителями. – Басаев посмотрел на араба. – Связались с Тамарой?

Тбилиси

– И как они себе это представляют? – недовольно спросила Тамара. – Я положу деньги в корзину и пойду через границу? А если задержат, скажу, что собираю ягоды или грибы? – Она сердито сверкнула глазами. – Згуриди мы вынуждены были убить, и значит, сейчас подхода к границе у нас нет. Завтра приедет Осетин, пусть он и думает, как в течение трех дней переправить деньги в Ичкерия.

– А деньги им сейчас очень нужны, – сказал Гиви. – На операцию в Моздоке они потратили немало.

– Но осетины будут теперь мстить, ведь там многие погибли...

– Басаев со своими соратниками вне закона, а ты говоришь о какой-то мести.

– На Шамиля в Чечне и Дагестане немало людей кинжалы точат, – рассмеялся пивший пиво Казбек, – и на его головорезов тоже. Я вот, например, никак не пойму: как можно сейчас скрываться в лесах и горах? В космосе, говорят, такие спутники есть, что запросто можно ребенка увидеть, а тут отряд не заметить. Получается, что или нужна кому-то в правительстве эта война, или все это байки про спутники. Хотя ведь Дудаева шарахнули.

– А тебе-то что? – усмехнулся Гиви. – Что бы ты сейчас делал, если б не Басаев со своими ваххабитами? Где бы еще денег заработал? Правда, сейчас, конечно, пора подумывать и об отходе от дел ваххабитских, потому что с каждым днем все опаснее становится.

– Только при Осетине не говори так, – предупредила Тамара. – Рашид с удовольствием принимает участие в войне.

– Он авантюрист, – отмахнулся Гиви, – и только и умеет, что воевать. Если б не война, то он был бы просто бандитом. А кстати, зачем он поехал в Турцию?

– Ты его спроси, – усмехнулся Казбек. – Если не пристрелит, то ударит точно.

– Меня ударит? – насмешливо переспросил грузин.

– Хватит вам, – вмешалась Тамара. – Сейчас надо думать, как деньги отправить в Чечню. А может, к нам кто-то приедет оттуда.

– Ты думаешь, здесь нет палачей Басаева? – спросил Гиви. – Забыла?..

– Вот и не хочу, чтобы они наведались ко мне! – отрезала Тамара.

– Так, может, пора уходить? – посмотрел на нее Казбек. – Продадим те драгоценности, которые взяли у Згуриди, и ищи ветра в поле.

– Дурак ты! – заявила она. – Уходить надо так, чтобы никто не подумал, что мы отошли от дел. Но это не главное – сейчас еще рано. Осетин приезжает не просто так. Он наверняка придумал какую-то операцию. А значит, будет нужна наша помощь. Например, встретить исполнителей здесь и помочь им переправиться в Россию. На этом можно неплохо заработать. А уж потом и уходить.

– Тогда мы согласны. – Гиви взглянул на Казбека.

Тот, открывая банку пива, молча кивнул.

– Значит, говорите, его нет уже три дня? – спросил высокий мускулистый молодой мужчина в темных очках.

– Не видели, – ответил полный грузин в соломенной шляпе. – Обычно Отар сам заходит. Мужчина без женщины постоянно в чем-то нуждается, то соль забудет, то сахар. Да и поговорить Отар любит... Нет, не было его.

– Благодарю, – сказал высокий, – и до свидания.

– До свидания, генацвале.

– Неужели он ушел? – подходя к машине, вздохнул высокий. Открыв дверцу, сел. – Нет его, – ответил он на вопросительный взгляд сидевшего за рулем крепкого мужчины. – Уже по крайней мере три дня соседи не видели. Скорее всего он укатил, гнида.

– Вряд ли, – возразил водитель. – Может, он у Царицы?

– Давай к ней, – решил высокий.

– Что? – спросила в сотовый Тамара. – Прилетел? Понятно. Спасибо! – Улыбнувшись, она отключила телефон. – Осетин приехал. Его встретил Турок. Скорее всего он поехал к Отару. Значит, сейчас должен появиться и здесь.

– Когда он прилетел? – спросил Гиви.

– А вот и Осетин, – сказал стоявший у окна Казбек. – С ним Паша.

– Ударение на последней букве, – улыбнулась Тамара.

– Я так и сказал, – обиделся Казбек.

– Сейчас узнает о Згуриди, – усмехнулся Гиви, – и...

– Скорее всего он опасался, – перебила его Тамара, – что Отар уйдет с деньгами. Поэтому и поехал к нему.

Послышались шаги.

– Турок, – усмехнулась Тамара. – Осетин ходит как кошка.

Дверь открылась, первым вошел водитель. Появившийся за ним мускулистый внимательно всех осмотрел.

– Деньги у нас, – сказала Тамара. – Отар хотел с ними...

- Я так и думал, – кивнул тот. – Тебе никто не звонил?
- Ты бы хоть поздоровался, Рашид, – улыбнулся Гиви.
- Здравствуй! – улыбнулся в ответ Осетин.
- А кто мне должен был звонить? – спросила Тамара.
- Один человек, – повернулся к ней Рашид. – Значит, еще нет? Ну ничего, позвонит.
- На сотовый или по телефону?
- По телефону. – Рашид кивнул на аппарат.

Ярославль

- Добрый день, – подойдя к трем мужчинам, стоявшим у «шестерки», поздоровался пожилой человек в спортивном костюме.
- Здравствуйте, – провожая взглядами взлетевший самолет, хором отозвались те. Самолет сделал круг и пошел на посадку.
- Курсант? – спросил невысокий лысый мужчина.
- Первый вылет, – улыбаясь, кивнул пожилой. – А вы, видимо, сюда? – Все трое кивнули. – Сейчас нужно получить разрешение в соответствующих органах. Иначе...
- Нас Семен Борисович прислал, – ответил лысый. – Он сказал, что с вами все обговорено и вы дали разрешение.
- Ваша? – кивнул на машину пожилой.
- Моя, – улыбнулся мужчина среднего роста. – Вячеслав, – протянув руку, представился он.
- Руслан, – тоже назвался лысый.
- Ян, – глядя на садящийся самолет, буркнул коренастый блондин.
- Игорь Петрович, – поочередно пожимая им руки, представился пожилой. – Ну что ж, загоняй свою машину к нам, и поговорим.
- Садитесь, – пригласил его Вячеслав.
- Врачи рекомендуют больше на своих двоих, – засмеялся Игорь Петрович. – Пошалить начало, – он погладил грудь слева, – а помирать вроде как рановато. Еще только шестьдесят два.
- А выглядите моложе, – сказал Руслан.
- Я не женщина, чтоб мне возраст скрывать, – усмехнулся Игорь Петрович. – А ты по национальности кто? – спросил он Яна.
- Поляк, но родился в России.
- А ты? – Игорь Петрович взглянул на Руслана.
- Русский, – ответил тот, – просто предки так назвали.
- Вроде и не мальчишка, – осуждающе заметил Игорь Петрович, – а говоришь – предки. Родителей чтить надо.
- Я украинец, – проговорил Вячеслав, – но живу в России уже давно.
- А зачем вам это-то надо? – Игорь Петрович выразительно взглянул на небо.
- Да мы из Саратовской области, – ответил Руслан, – свое дело организовали и думаем самолет купить.
- Ну, если Семен вас прислал, – кивнул Игорь Петрович, – то знает, что вы за люди. Выходит, в Саратовской области нет таких аэродромов? – засмеялся он.
- Может, и есть, – отозвался Вячеслав. – Мы только недавно это решили, и отец посоветовал обратиться к Туркину.
- Да, Семен мне говорил... Вот что, – решил Игорь Петрович, – если уж вы надумали, а я, значит, согласие свое дал, поехали сразу на учебный. – Он посмотрел на часы. – Я сейчас скажу Витьке, что на учебный поехал, он туда позвонит и предупредит.
- А здесь у вас что? – спросил Руслан.

– Здесь те, кто на законном основании на летчика учатся, новые русские. Мало им ино-марок разных, желают собственный самолет иметь. Только где летать будут? Ну, это не мое дело. Я научу, чему положено, а там пусть сами думают.

– Месяца в полтора уложимся? – спросил Руслан.

– Уж больно ты нетерпелив, – хмыкнул Игорь Петрович.

– Понимаете, – вздохнул Ян, – у нас в сентябре обработка полей. Если делать это наземным способом, то понадобится уйма времени, можно не успеть. Погода-то вон какая... А в солнечный день все сделать успеем. Мы и заплатим...

– Потом все решим, – отмахнулся Игорь Петрович. – А пока поедем на мой аэродром, – подмигнул он и рассмеялся. – Сначала я эту самую демократию в штывы встретил, – признался он. – А потом зажил, как барин. Сейчас даже учебный центр подготовки пилотов имею. Правда, если честно, все это, можно сказать, незаконно. Просто надо вовремя класть в карман начальству, и все. И себе прилично остается, и они не жалуются. Но ежели, конечно, это дело раскроется, то взгреют меня так, что мало не покажется. И все те, кому деньги давал, руками разведут. Однако вот уже почти три года Бог милует. Ладно, поехали...

– Сейчас расшибется, – развел руки в стороны мужчина с рыжеватой бородкой. – Точно расшибется!..

«У-2», коснувшись шасси полосы, подпрыгнул, но в следующий миг уверенно помчался по земле.

– Сел, – облегченно проговорил один из восьми мужчин наблюдавших за посадкой самолета.

– Я ему точно голову расшибу! – поигрывая резиновой дубинкой, выдохнул атлет с короткой стрижкой.

– Отбой, – махнул рукой коренастый мужчина в летном шлеме.

Пожарная машина, следующая за катившимся по посадочной полосе самолетом, и «скорая», притормозив, начали разворачиваться.

– Ни слова этому умнику, – процедил мужчина, снял шлем и выматерился.

– Чтоб эфир не засорять, – усмехнулся атлет, – всегда так делает. У Палыча связь со всеми службами, – пояснил он смотревшим на него четверым. – И когда матерится, шлем снимает.

– Ну и связь! – усмехнулся невысокий толстяк. – Надо будет купить им что-то настоящее, – кивнул он стоявшему справа крепкому смуглолицему мужчине.

Из кабины вылез пилот. Стянув шлем, упал на колени и, перекрестившись, коснулся лбом бетона посадочной полосы.

– Никогда не верил в Бога, – проговорил он, – а тут, когда подбросило, заорал: Господи, помоги! И все-таки сел... – Он снова перекрестился.

– Ты чуть было машину не угробил! – Подойдя, Палыч коснулся крыла. – С тобой-то, если бы что-то, хрен с ним, а машину жаль. В общем, так, тебе еще с инструктором летать да летать.

– Да побыстрее хотелось бы, – вздохнул вставший с колен пилот.

– Быстро только кошки рожают! – отрезал Палыч и натянул шлем. – Что? – спросил он.

– Едет Ромов, с ним трое. Прислал Туркин, – сообщил голос в наушниках.

– Ясно, – недовольно отозвался Палыч, – встретим. Видать, снова сынки денежных мешков. Ведь скоро нас всех посадят, – вздохнул он. – Наскоро нами обученный влупится во что-нибудь и угробит пассажиров или еще что натворит... Начнут копать и выйдут на нас. Но деньги идут, и пока вроде все нормально. Да и сверху тоже говорят, что все будет хорошо. Дай-то Бог... А вообще-то уходить надо, и в то же время как вспомню, что лишусь денег, которые сейчас получаю, и думаю: уж лучше в тюрьме года два отсидеть. С адвокатом говорил, – усмех-

нулся он. – Уверяет, что если и посадят, что маловероятно, то дадут не более двух лет. Правда, и в тюрьму не хочется. Ладно, посмотрим, что там за летуны приехали...

– Жить будете здесь. – Игорь Петрович кивнул на трехместные финские домики. – У вас как раз комплект, – улыбнулся он. – Насчет того, чтоб побыстрее, обещать не могу, но поговорю с Лобыновым. Петр Павлович классный летчик. Годы, правда, уже не те. Но учит летать, и никто не обижался. Правда, мужики, стоять это будет...

– Конечно, – спокойно перебил его Руслан, – нам все подробно объяснил Семен Борисович, так что не волнуйтесь. Деньги у нас есть. Мы решили заняться крестьянством. Земля и накормит, и даст возможность нормально жить. А с самолетом это будет гораздо проще.

– Значит, послезавтра начинаете, – сказал Игорь Петрович.

– Почему не завтра? – удивился Ян.

– Надо медкомиссию пройти, это обязательно.

– Но мы уже все прошли... – Ян достал кипу бумаг.

– У нас своя комиссия, – покачал головой Ромов. – А вот и Петр Павлович Лобынов! – Улыбаясь, он кивнул на подходившего Палыча.

– Привет! – хмуро бросил тот.

– Знакомься, – проговорил Петрович. – Это...

– Слушай, Ромов, – прервал его Лобынов. – Я уже все знаю. Связался с Туркиным, и он мне все подробно объяснил. Значит, желаете пройти ускоренную подготовку? – Он поочередно оглядел троих.

Те дружно кивнули.

– А вот ты мне не нравишься. – Лобынов остановил взгляд на Яне. – Глаза звериные. Да и вы не сахар, – кивнул он Вячеславу и Руслану. Все трое засмеялись. – Но мне не детей с вами крестить. Завтра медкомиссия, а потом будем смотреть. Погоняю я вас, ребятишки, от души. И ты сразу похудеешь. – Он остановил взгляд на Вячеславе.

– Да уж каких только диет не пробовал, – не обиделся тот. – Но думаю, это не помешает.

– Ладно, – буркнул Лобынов. – После комиссии поговорим. – Он, не прощаясь повернулся и ушел.

– Жесткий мужик, – оценил Ян.

– Это точно, – кивнул Ромов. – Но мастер высшего пилотажа.

Воронеж

– Господи! – ахнула, открыв дверь, Надежда Павловна. – Сынок! Ты...

– Все нормально, мама... – Стоявший перед ней пьяный Павел попытался войти, но, пошатнувшись, ударился плечом о косяк.

– Пашенька, – мать подхватила его, – да что же это! – Она помогла ему войти.

Сын сел на полку для обуви.

– Кончился я, мама, – опустив голову, пробормотал он. – Я ведь только выделялся, когда говорил, что и без самолета проживу. Нет, заболел я небом...

– Так не пей! – воскликнула Надежда Павловна. – И все будет хорошо, допустят тебя к полетам.

– А не пить не могу. Понимаешь, люблю я Тоньку... и детей своих люблю. Не могу я без них. Не могу, и все.

– Вот и не пей! – сердито повторила мать. – Если б не пил, то жил бы да радовался.

– А из-за чего я пить-то начал?.. – Сын вздохнул. – Ты ж не знаешь, а говоришь. Тоня с другим встречается... – Он всхлипнул. – А я... не могу ничего. Понимаешь, мама, ничего не могу. Драться и то не умею. Ведь ты меня музыке учила, а папа, – он стал вытирать слезы, –

во всем тебя слушался. Он хотел меня в секцию бокса отвести, а ты не дала... Мне говорят – твоя Тонька шлюха, а я стою и глазами хлопаю. И пить я начал только от бессилия. Жена – шлюха, все об этом знают, знаю и я, но ей даже сказать про это боюсь. Боюсь летать, боюсь, что ты меня выгонишь, боюсь, что останусь без денег, что с моим сыном и дочерью что-то случится. Всего боюсь...

Надежда Павловна, не зная, что сказать, вздохнула.

– Выпью, и все куда-то отступает, – продолжал сын. – Знаешь, я специально перед медицинской комиссией пиво пил... Однажды был рейс в Москву. И я понял, что, если не отдам управление, врежусь куда-нибудь. Перепугался страшно. Не того, что случится, а того, что с тобой и детьми будет. Что делать, не знаю.

Мать обняла его. Он, прижавшись к ее груди, громко заплакал.

– Перестань! – Она погладила его по волосам. – Успокойся, Перестань выпивать и вернись в...

– Мама! Куда я вернусь?! – Оттолкнув мать, Павел попытался встать, но не смог. – Вернись... Куда? К кому? К этой мегере?! А ты знаешь, что она делала все, чтобы отвести от меня детей? Света мне как-то раз рассказывала, что какой-то дядя Антон катал их на каруселях в парке, кормил мороженым... – Он сжал виски и закачался из стороны в сторону. И тут же согнулся, его вырвало.

– Господи, – прошептала Надежда Павловна, – зря я назвала его в честь своего отца, он был такой же слабый человек. Успокойся же! – громче проговорила она.

– Это было каждый раз, – промычал Павел, – когда я возвращался из рейса. Смотрю, игрушки появляются у детей дорогие. А я... – Его снова затошнило.

– Выпей молока, – тихо посоветовала мать, – кислого. Так всегда делал твой дед. Он тоже был...

– Я где-то читал, – пробормотал Павел, – что нельзя называть своих детей в честь родителей, если не уважаешь их.

– Так захотел твой отец, – вздохнула мать. – Он очень уважал твоего деда и...

– Дай мне выпить, – попросил сын. – В холодильнике есть водка. Дай...

– Нет. Ты больше не пьешь. Я не позволю тебе. Через неделю кончается твой липовый бюллетень, и ты полетишь. Я сегодня разговаривала с...

– Ты тоже считаешь меня ни на что не способным. А я могу! – крикнул он. – Я все могу! И вы удивитесь...

– Пашенька!.. – Мать снова обняла его. – Ложись спать. Хочешь, я тебе ванну налью? Помнишь, ты любил с солью. Сейчас в ванну и спать, а утром поговорим.

– Да вроде полегче стало. Вообще-то правильно, налей мне ванну. Сначала в горячей воде, а потом холодный душ. Здорово помогает, говорят. И пива купи, мам, – жалобно попросил он. – Я больше не буду...

– Проснешься, тогда и пива выпьешь. – Она поцеловала его в щеку.

– Хорошо, – согласился сын.

– А когда папа придет? – спросила девочка лет пяти наливавшую молоко в два стакана Тоню.

– Он улетел, – отозвалась та. – И будет долго там работать. Вы хотите пойти в цирк? Там будут клоуны, медведи на велосипедах...

– Хотим, – кивнула девочка. – Когда пойдем?

– За нами дядя Антон скоро заедет, – улыбнулась Тоня.

– Хочу в цирк! – обрадовался трехлетний малыш.

* * *

– Не пойму я тебя, Выключатель, – сказал черноволосый крепыш. – На кой тебе все это нужно? Баб столько вокруг, а ты прилип к этой и никак не отлепишься. У нее же два грызуна. Ладно там, пару раз переспал и все такое. А ты...

– Тебя это не касается! – отрезал Антон.

– Меня-то не касается, а вот прикатит...

– Слушай сюда, Мамалюк, и запоминай: я знаю, что делаю. Усек?

– Лады, – согласился тот, – гуляй.

– Тетя Аня, – молодая женщина вошла в комнату, – вы снова ничего не ели? Надо хоть немного...

– Писем не было? – чуть слышно спросила лежавшая на кровати бледная худая женщина.

– Нет. Если бы что-то было, я бы сразу принесла. Пора укол делать. – Она достала шприц.

– Господи, – вздохнула больная, – хоть бы не умереть до него. Господи!.. – Она с трудом вынула из-под легкого одеяла худую руку и перекрестилась.

Молодая вздохнула и достала из сумки две ампулы.

Ирак

– Слышал? – тихо спросил лежавший рядом с Валерием в воронке Иван. – Штатники нашли закопанные в песке самолеты. Несколько «МИГов» и «Су». Видно, иракцы надеялись воспользоваться ими. А генералы предали Хусейна. Местные жители, которые нашли самолеты, все их разобрали. – Он рассмеялся.

– Тсс! – прошептал лежавший справа от него иракец.

Иван услышал приближавшийся шум моторов.

«Машины, – подумал он, – и парочка танков». Покосился на Валерия и начал отползать назад.

Тот понимающе кивнул и посмотрел на прижавшихся ко дну воронки троих иракских партизан.

– Я к полковнику, – по-арабски прошептал он ближнему.

Тот молча кивнул. Валерий выбрался из воронки и присоединился к Ивану.

– У двух камней полковник, – прошептал он, – и двое партизан, его охрана. Делаем их и полковника. И сразу из гранатомета по танкам. Бой завяжется, мы успеем уйти.

– А деньги при нем? – шепотом спросил Валерий.

– Он с чемоданчиком не расстается, – усмехнулся Иван.

– Здесь будем сутки, – строго проговорил полковник иракской армии. – Завтра ночью нанесем удар по мосту и палаточному городку англичан. Что сказал связной? – спросил он невысокого иракца в гражданской одежде.

– Старшие дочери президента в Иордании, – тихо ответил тот. – И туда же приехала его вторая жена с младшей дочерью. Король Иордании заявил, что делает это из соображений гуманности. «Аль-Каида» угрожала США, что, если хоть с одним из пленных талибов что-то случится, по Штатам будет нанесен удар. В Израиле выпустили из тюрем несколько сотен палестинцев. Правда, тех, кто принимал участие в преступлениях против израильтян или в террористических актах, не освободили. Палестинские группировки угрожают прервать мирный процесс, если все палестинцы...

– Я спросил про Ирак, – недовольно перебил его полковник.

– Сыновья президента похоронены под Тикритом. Правда, только через тринадцать дней, но все-таки в Ираке. Население все чаще и громче выражает свое недовольство освободителями, по-прежнему бесчинствуют мародеры и другие преступники. В армию, которую создают изменники, вступают и наши люди. Сопротивление американцам оказывается везде, но более всего в «Золотом треугольнике». Правда, и среди бойцов сопротивления имеются потери. И тем не менее...

– Достаточно, – сухо оборвал его полковник. Посмотрел на часы. – Надо отдыхать. Каравулы меняются через полтора часа. И быть особенно внимательными.

Поднявшись, он быстро пошел к двум невысоким камням. Слева от одного из валунов шевельнулась тень.

Иван, зажав рот сидевшему со скрещенными ногами партизану, полоснул его ножом по горлу и мягко опустил вздрогнувшее тело на камни. Беззвучно скользнул в узкую расщелину между камнями.

Валерий резким движением скрутил шею мужчине с ручным пулеметом. Опустив мертвое тело, вытащил нож и мягко прыгнул вперед. Упав на покрытую обломками камней землю, согнутыми ногами уперся в каменную плиту. На фоне неба смутно вырисовывался силуэт идущего с дипломатом человека. Как только тот поравнялся с ним, Валерий, оттолкнувшись, прыгнул и всадил нож в горло полковника. И тут же метрах в пяти от него раздался выстрел гранатомета. На дороге у медленно ехавшей бронемашины раздался взрыв. Оттуда сразу затрещали выстрелы. Раздались пулеметные очереди из танков и бронемашин. Им ответили огнем иракские партизаны.

– Отлично все сделано, – проговорил Иван, упавший в еще дымящуюся после разрыва снаряда воронку. – Ты умеешь работать! – Он одобрительно посмотрел на лежавшего рядом Валерия.

Тот, приподнявшись, двинул тело вперед, добрался до края воронки и всмотрелся в небольшой горный массив.

– Уходим туда, – сказал он, – пока янки не вызвали подкрепление. Сейчас «вертушки» пожалуют или авиацией ударят. Янки воевать умеют на расстоянии или с воздуха. Двинулись!..

– А не рано? – Иван взял дипломат. – Может...

– Самое то, – выбираясь, отозвался Валерий. – Иракцы держат штатников у дороги. Ведь приказа об отходе не было. Пока разберутся, что и как, мы уйдем. Янки вперед не пойдут. Колонна небольшая, и поэтому успеем.

– Верно, – согласился Иван.

– И еще... Если попадем на янки, не стреляй. Говори, что приехали помочь им найти Хусейна, слышали, что за него пятьдесят миллионов долларов обещали. С иракцами разберемся, у нас бумаги есть, что мы вроде как помогаем им. Штатники ничего не поймут, для них это просто знаки...

– Не думаю, что ЦРУ не известно об этих знаках, – усмехнулся Иван. – Так что лучше сразу их уничтожить. Все?

– Теперь все, – кивнул Валерий.

– А я вот что думаю, – пробормотал Иван, – уходить надо хоть от штатников, хоть от иракцев. У нас бабки, – он тряхнул чемоданчик, – и отдавать я их не намерен, лучше уж сдохну. А то получается, что я зря в Афгане против америкашек дрался, еле ноги унес. Лучше взорву себя вместе с ним... – Он кивнул на чемоданчик.

– Двинулись, – сказал Валерий.

– Полковник убит! – упав рядом со стрелявшим из ручного пулемета в сторону дороги, прокричал иракец.

– Отступаем! – крикнул пулеметчик.

– Да, – кивнул американский капитан-десантник, – квадрат четыре. Нельзя упустить их.

– Сейчас обработаем, – раздался голос в переговорном устройстве. – Отзови оттуда своих парней. Мы их обработаем по полной программе.

– Сэр, – заглянул в броневую кабину сержант, – они отходят.

– Видишь, – бросил бежавший между невысокими холмами Валерий, – а если бы мы были там?

– Хана пришла бы, – отозвался следующий за ним Иван.

Сзади раздавались частые разрывы.

– Ракетами шпарят! – крикнул Иван. – Никто оттуда не уйдет.

– Если кто-то не успел в пещеры нырнуть, – возразил Валерий. – Там запросто пересидят.

Но выйти не смогут, завалит к чертовой матери!..

– Я же говорил, никто не уйдет, – усмехнулся Иван.

Они стали быстро подниматься вверх. Взобравшись на выступ, Валерий поднял камень и бросил его вниз. И сразу начался небольшой обвал.

– Зачем? – спросил Иван.

– Янки будут прочесывать все вокруг, – ответил Валерий. – И найдут наши следы, тогда нам не уйти. Если ничего не найдут, то сможем отсидеться пару дней.

– Хорошая мысль, – кивнул Иван. Присев, он положил автомат справа, а чемоданчик перед собой и открыл его.

– Пойдем дальше, – сказал Валерий, – здесь заметят.

Иван, отшвырнув чемоданчик, витиевато выругался.

Валерий поднял маленький сверток с долларами и пересчитал.

– Двадцать пять баксов, – улыбнулся он.

– Я всю эту иракскую братию в гробу видел! – продолжал бушевать Иван. – Куда же он, паскуда...

– Уходим!.. – остановил его Валерий. – Сейчас штатники появятся. У них есть проводники из местных, поэтому сюда наверняка заглянут.

– Да тут и собирать нечего, – ухмыльнулся чернокожий сержант США. – Куски валяются, руки-ноги...

– Прочесать все как следует, – строго приказал голос в переговорном устройстве.

– Есть, сэр! – кивнул сержант. – Скажи, чтобы вел, – отключив переговорное устройство, обратился он к невысокому смуглому мужчине в форме армии США без знаков различия.

– Веди группу, – кивнул тот тощему иракцу в грязной белой одежде, – куда ты хотел.

– Гарри повезло, – кивнул на шестерых десантников рослый рядовой. – Кого-то ведут...

– Может, наконец Хусейна поймали, – проворчал коренастый десантник. – Порядком надоели эти места. А эти хусейновцы продолжают атаковать. Партизаны!.. Кончится тем же, что и во Вьетнаме. Америка насытится цинковыми гробами, и начнутся демонстрации.

– Отставить разговоры! – раздался строгий окрик.

– В Афганистане нашим тоже достается, – негромко проговорил смуглый солдат. – Там талибы вовсю партизаныт. А еще в Африку наших миротворцев посылают...

– Прекратить! – зло крикнул командир.

– Сюда, говорят, украинцев присылают, – сообщил чернокожий. – Давно пора менять нас. Мы свое дело сделали, а теперь пусть и другие...

Метрах в двадцати от них раздался громкий крик и бухнул взрыв гранаты. Все мгновенно попадали. Отдаляясь, застучали выстрелы. Длинной очередью ударил ручной пулемет.

– Кто-то еще воюет, – негромко проговорил сидевший в невысокой узкой пещере Валерий.

– Добивают... скорее всего, – играя желваками, отозвался Иван и снова вспомнил родню иракского полковника.

– Да успокойся ты, – улыбнулся Валерий. – Главное – ушли. Конечно, лучше было бы с деньгами, но что поделаешь. Видимо, он их кому-то отдал. Давай решать, куда нам лучше топтать.

Он вытащил карту и разложил перед собой. Иван придвинулся к нему.

– А ты дипломат не взял? – вспомнил Валерий.

– Лучше не напоминай о нем, – прорычал Иван.

– Уходим! – Валерий бросился к выходу.

– Точно, – проговорил негр. – Здесь наверху следы. Мы дипломат нашли. Видно было – его только что бросили. Поднялись наверх, а здесь следы. Готовы? – тихо спросил он.

– Сунь бумаги в щель. – Достав небольшой листок с изображением Саддама Хусейна, Валерий лезвием ножа стал запихивать листок в щель в каменном своде пещеры. Иван делал то же. – Замажь чем-нибудь, – затирая щель пылью, посоветовал Валерий.

– Сейчас закинут гранату, – косясь на падающее из узкого лаза в пещеру пятно света, пробормотал Иван.

– Дельная мысль, – кивнул Валерий.

Коренастый десантник бросил в пещеру гранату и, отпрянув влево, упал. Почти тут же внутри грохнул взрыв. Американцы, переглянувшись, сунули в лаз стволы автоматических винтовок и выпустили по обойме. Затем втолкнули внутрь пытавшегося отбиться кричащего иракца. И, отпрянув от лаза в стороны, замерли. Из пещеры на четвереньках выполз продолжавший что-то орать проводник. Смеющиеся американцы двинулись вперед.

– Извините, – по-английски проговорил переводчик. – Но след двух человек вел в пещеру. Вполне возможно, она имеет повороты и намного глубже, чем можно подумать.

– А он прав, черт возьми! – Сержант остановился.

Раздался вызов переговорного устройства.

– Ястреб-три на связи, – отозвался сержант.

– Слушай, Скотти!.. – Раздалось хриловатое из переговорного устройства. – Тут один из восьми взятых парнями сказал, что с ними были два европейца. Подрывники. Один отлично говорил по-арабски. Скорее всего следы, что вы нашли, их. Постарайся...

– Мы у лаза в пещеру, капитан, – перебил сержант. – Туда вошли двое. Скорее всего вход имеет продолжение. Мы бросили гранату, обстреляли и запустили туда проводника. Я решил не рисковать своими людьми. Проводник вышел невредимым.

– Непусти их, Скотти, – сказал капитан. – Я вышлю группу зеленых беретов. Мы все перекроем, они нужны живыми. Среди убитых нам попадались европейцы, но живыми еще не брали. Надо узнать, кто они и откуда. Постарайся выяснить, там они или нет. И просто держи выход. Ими займутся парни спецгруппы.

– Есть, сэр, – кивнул сержант. – Что он говорит? – отключив приемник, спросил он переводчика.

– Там никого нет, – ответил тот.

– Пещера имеет продолжение?

Переводчик задал тот же вопрос проводнику по-курдски. Тот что-то быстро ответил.

– Может быть, – повернулся к сержанту переводчик. – Он точно не знает.

– Он говорит по-арабски? – поинтересовался сержант.

– Да, – кивнул переводчик.

– Хочешь пять тысяч долларов? – улыбнулся сержант.

– Может, я подойду? – усмехнулся коренастый.

– Вполне, – кивнул сержант. – Надо войти в пещеру. Выяснить, там двое или нет. Если там, передать им, чтобы сдавались. Гарантирую им безопасность и медицинскую помощь, если нужна. Пусть выбросят оружие и выходят. Пойдешь?

– А если фанатики? – засомневался коренастый. – Не пойду, хочется из этого Ирака живым вернуться. Надеюсь, скоро отправят домой. Что решил, сержант?

– Скажем, что никого нет, – помолчав, ответил тот. – Даже если и были, то или трупы, или раненые. Сунемся, а они что-нибудь взорвут. В общем, скажу капитану – проверили и ничего не нашли.

Достав сигару, прикурил.

Валерий опустил ствол винтовки.

– Не пойдут, – прошептал он, – бояться.

– Правильно делают, – чуть слышно отозвался вжавшийся в углубление Иван. – А ты ведь спас нас, – вздохнул он. – Я и не заметил, что укрыться от осколков можно.

Они слышали, как курившие у лаза солдаты о чем-то оживленно переговаривались.

– Вспоминают, как хорошо служилось в Индонезии, – перевел Валерий. – Какие бары посещали... и как здорово было. А тут им не нравится. Один говорит, что молился, когда его из Афганистана в Штаты отправили. И не дождетя, когда отсюда улетит.

– В цинковом гробу полетит, – процедил Иван. – Ты вроде говорил, что спецгруппу собирались сюда послать. Сунутся, тогда нам каюк.

– Не думаю, – возразил Валерий. – Не полезет никто. А если сунутся, встретим. Это есть наш последний и решительный бой.

– Рано мне умирать. Сначала хочу кое-что сделать, чтоб в историю попасть. Может, у меня мания величия, но не хочу, чтоб просто так вот – прожил, и не вспомнят обо мне.

– Уходят, – услышал голос сержанта Валерий. – Сказал, что проверили и никого нет.

– Ну и армия!.. – Иван покачал головой. – Наши лезут хоть куда. А эти... – Он махнул рукой. – Сразу видно, что работают, а не воюют. Без авиации и танков или ракет с кораблей ничего не могут. Когда самолеты в башни-близнецы врезались, я, например, кайф словил. Великая держава, весь мир, можно сказать, в узде держит, а ей раз, и рядом с сердцем. Но вот чего я никак не пойму – как это те, кто самолеты захватил, это сделать смогли? Ради чего? Из-за веры в Аллаха своего? Не пойму я никак... Ладно бы свои имена на весь мир объявили. Это мне было бы понятно. Например, я даже пошел бы на такое. Только чтоб мир узнал, что Иван Сергеевич Крылов совершил этот безумный поступок. Ведь возьми Фанни Каплан. Была никто, просто шлюха-наркоманка. А тут влепила Ленину пулю, и пока мир будет существовать, ее будут помнить. Вот и я согласен на что-то подобное.

Валерий, прислушиваясь, смотрел на пятно света. Усмехнулся:

– Ты уже что-то подобное говорил. Но при чем здесь слава на весь мир и твое участие в войне против своей родины?

– Сначала у меня были кое-какие неприятности с начальством, – вздохнул Иван. – А потом поехал в Чечню эту с целью убить Басаева. Как-никак подвиг, думал. И поощрят, и наградят посмертно, и все-таки многие меня запомнят. Но так вышло, что влип я там в одну историю, казнили пленных, и я засветился. Знакомых двоих увидел и побоялся, что выживут и расскажут про меня. А потом к Басаеву попал, под федералов работали. Затем Афган, там из России были парни. Некоторые ваххабиты, но человек восемь из-за денег. Я тоже из-за этого. Ваххабиты, вроде как по убеждению. При мне двоих штатники в плен взяли... – Он вздохнул. – Меня просто не заметили, я ранен был и в крови валялся. А штатники убитых не

берут. Стрелял в меня один, но пуля рядом в землю вошла. В общем, чудом спасся. А ты что-то про счет России говорил. Может...

– Нет настроения откровенничать, – сказал Валерий.

Осторожно выйдя из ниши, Валерий сделал шаг вперед. Прислушался.

– Эй! – услышал он тихий зов Ивана. – Иди-ка сюда. – Повернувшись, Ивана не увидел.

– Иван! – вскинув винтовку, приглушенно позвал Валерий.

– Здесь дыра какая-то, – услышал он голос из-за выступа ниши. – И дальше проход. Я оперся локтем, а тут что-то осыпалось. Как будто замазано глиной с камешками было. Азия, – усмехнулся он. – В Афгане такого наглядился.

– Так ты и там был? – Валерий подошел к нише. Иван расширял отверстие. – Ого! – сунув туда голову, удивленно проговорил он. – Тут и ступени имеются. Мама моя родная! И даже скелеты. Три. – Валерий включил фонарик. Увидел узкий, высотой в метр, проход.

– Тронулись? – вопросительно посмотрел на него Иван.

– Надо заложить камнями, а то кто-нибудь сунется и за нами пойдет.

– Я, например, не считаю, – говорил плотный бородач, – что мы должны и сейчас помогать американцам. С Садамом разделились, так что зачем теперь им помогать?.. В стремлении создать независимый Курдистан США помогать нам не будут, хотя бы потому, что Турция – их союзник. А Турция никогда не пойдет на это. Так что все скоро станет, как и прежде. США, конечно, вроде бы предоставили нам автономию, но мы желаем жить в своем государстве. К тому же наши братья в Турции продолжают бороться за независимость. Так что хватит нам искать Хусейна. И так мы здорово помогли американцам. А сколько погибло наших...

– Хватит, Али, – перебил его пожилой курд. – Я, например, сразу предупреждал, пока не получим от американцев твердой гарантии своей независимости, в боевые действия не вступать. Теперь же придется быть на их стороне до последнего.

– А тут долго еще нам сидеть? – спросил третий курд, с ручным пулеметом.

– Это не иракцы, – сказал лежавший в узком заросшем колючками лазе Валерий. – Курды. Но сторонники янки. И мы этим воспользуемся.

– Как? – отплевываясь, тихо спросил Иван.

– Только молчи, – посоветовал Валерий. Иван не успел ничего сказать. – Помогите! – по-английски закричал Валерий. – Кто-нибудь помогите!

Трое мужчин, вскочив, повернулись в сторону голоса.

– Да скорее! – позвал на плохом курдском Валерий.

«Мама родная! – удивился Иван. – На скольких языках он может говорить? Видно, что серьезно готовился».

– Кто ты? – направив на пытавшегося выбраться из узкого заросшего лаза Валерия, в один голос спросили курды.

– Помогите мне! – на их языке поторопил Валерий. – Я капитан центрального управления Мэллори. Со мной сержант Картер, – кивнул он вниз. Курды переглянулись. – Да вытаскивайте, черт вас возьми! – прорычал Валерий. – У вас есть связь?

– Капитан дал приемник, – подходя, ответил пожилой. – Но он только на связь выходит.

Положив оружие, все трое стали помогать Валерию вылезти. Тот сел и начал растирать ноги.

– Помогите сержанту, – кивнул он на Ивана.

Курды стали его вытаскивать. Валерий осмотрелся и встал. Когда Ивана вытащили, он сильно ударил стоявшего слева от него курда в солнечное сплетение – и одновременно другого в низ живота. Отскочившего к оружию третьего Иван ударил в горло ребром ладони.

– Бери оружие, и уходим! – Валерий схватил винтовку одного из курдов.

Иван, вытащив нож, добил лежащих.

– Слушай, – наклонившись к ручному пулемету, посмотрел на него Крылов. – Кто ты?

– Это не важно. Сейчас мы в одной упряжке, и тебе придется относиться ко мне как к напарнику. Пошли! Хотя постой... – Валерий остановился. – Все-таки спецгруппа может выйти на наши следы. Не будем их разочаровывать.

– Есть! – прикладом пробив дыру в заложенном камнями проходе, крикнул американский солдат.

– Идем сюда, – Валерий указал лезвием ножа на карту, – в Саудовскую Аравию. Там нам помогут.

– Ну, раз помогут, идем! – Иван рассмеялся. – Просто, как в кино. В Саудовскую Аравию запросто. Может, лучше в Кувейт? Там вроде спокойнее, и границу перейти намного легче. Американцы наверняка держат границу с Аравией. Лучше в Кувейт. Да и ближе. Мы сейчас почти у границы с Кувейтом. Я был там, и знакомые тоже есть.

– Хорошо, – кивнул Валерий. – Попробуем перейти в Кувейт. Сейчас все равно куда. Главное, от Ирака подальше.

Пакистан

– Да, – сказал Абу Саид. – Впечатляют краснопоясники. Но ведь они наверняка не продаются? – спросил он Фридриха.

– Почему? – Немец пожал плечами. – Правда, стоят очень и очень дорого. И разумеется, их берут на великие дела. На что именно, обязательно должен знать...

– Понятно, – усмехнулся Абу. – Значит, мне они уже не нужны. А вот с чеченцами я, пожалуй, поговорю. Как они...

– Те, что есть, – не дал договорить ему Шарафутдин, – кроме войны, ни на что не согласны. Просто мечтают попасть в свою Ичкерия.

– Ты сказал так, – усмехнулся Абу, – что понятно – сам ты туда не собираешься.

– Если говорить откровенно, – чеченец немного помолчал, – то нет. Сейчас там уже ничего не сделать. А теракты, – он пожал плечами, – я вообще-то принимаю это, но только против России и ее союзников. Но никак не согласен с тем, что акции террора проводятся...

– Какая речь! – Абу хмыкнул. – Сразу видно, давно не воевал. Но скоро тебе представится возможность вспомнить, что ты воин. А как дела у тебя? – Абу посмотрел на немца.

– Мои люди разыскивают таких, – вздохнул тот.

– У тебя не так уж много времени, – сказал Абу Саид.

– Оу бежит, – кивнул налево Фридрих. – Что-то случилось.

Абу и чеченец увидели Оу. Подбежав, он низко поклонился и проговорил:

– Вас зовут летчики. Они желают...

– Понятно, – усмехнулся Абу. – Значит, они и здесь следят за мировыми новостями.

– Что-то случилось? – спросил Шарафутдин.

– Да ничего особенного, если не считать того, что США признали Шамиля Басаева особо опасным международным террористом и заморозили его банковские счета. Я думаю, летчики желают сказать нам именно это, – взглянул он на Оу.

– Да, господин, – с поклоном отозвался тот.

– Мы это знаем, – улыбнулся Абу.

– Хорошо, господин! – Снова поклонившись, Оу побежал назад.

– Как счета Басаева? – удивился Шарафутдин. – Ведь...

– Несколько счетов, – прервал его Абу Саид, – на которых были деньги господина Басаева. Неужели ты думаешь, что господин Басаев просто так спровоцировал Россию взрывами в городах, а затем попытался захватить Дагестан? Хаттаб должен был стать наместником Дагестана. Все были уверены, что Дагестан встанет под зеленое знамя, как и соседние республики. За это Масхадов, Басаев и другие влиятельные командиры получили весьма приличные деньги. Разумеется, для проведения военных акций, оплаты наемников и так далее выделяются отдельные деньги. Ведь все рассчитывали, что удастся сделать Ичкерия, Дагестан и Ингушетию ваххабистскими.

– Значит, у Шамиля есть счета в банках? – процедил Шарафутдин.

– Были, – поправил его Абу. – Хотя, возможно, где-то еще и есть. Впрочем, как и у остальных лидеров. Я вложил в их войну около трех миллионов. Перестал им помогать после смерти брата и разорения дяди. Его называли в российской прессе спонсором чеченских боевиков, из-за этого дело свернулось. Никто из наших партнеров не захотел иметь дело с пособниками террористов. Особенно после атаки самолетов на города США. И мой брат Али поехал в Ичкерия. Не потому, что хотел заработать или верил в ваххабизм. Он поехал, чтобы отомстить русским. И погиб. Тогда я понял, что наступил мой черед объявить джихад России. Конечно, не всей, а... – Он замолчал.

Шарафутдин и Фридрих смотрели на него. Чеченец – удивленно, с пониманием, немец – испуганно.

– В общем, ты поторопись с людьми, – недовольный собой, сказал Фридриху Абу Саид.

– Но Шамиль... – проговорил Шарафутдин. – Я бы никогда не подумал, что он имеет счета в банках.

– Не он один, – успокоил его усмехнувшийся Абу. – А ты думал, Басаев из-за внезапно возникшей веры в ваххабизм начал воевать? Он, кстати, был в Югославии, в Карабахе, в Абхазии. Воин он, конечно, хороший. Жесткий, решительный, смелый. Умеет просчитывать все. Яркий пример тому захват Буденновска. И как раз в тот момент, когда Ельцина не было в стране. Тот вряд ли пошел бы на уступки, а приказал бы штурмовать. Кстати, у россиян уже все было готово, и если бы не Черномырдин, Басаеву пришел бы конец. Впрочем, хватит об этом... – Он махнул рукой. – Сейчас захват заложников уже ничего не даст. «Норд Ост» это убедительно показал. А такие мелочи, как шахидки, которые взрывают себя среди мирных людей, глупость.

– Но тем не менее, – осмелился вмешаться в разговор Фридрих, – палестинцы именно благодаря смертникам добились того, что израильтяне перестали...

– Не путай Палестину и Ичкерия, – раздраженно проговорил Абу. – Ичкерия – неотъемлемая часть России. Вспомни еще Абхазию, Приднестровье. Вот там ситуация, можно сказать, похожа. А Ичкерия Россия ни за что не отпустит. Тем более имея такого соседа, как Грузия, в которой уже оседают американцы. Все, хватит об этом. И еще, – он ухватил ворот рубашки Фридриха и притянул к себе, – забудь то, что услышал. Мало ли что я мог наболтать...

– Я понимаю, – попытался улыбнуться немец. – Это всего лишь разговор и не более.

– Если хотя бы просто вспомнишь, – криво улыбаясь, Абу сдавил ему кадык, – я вырву это и забью в твой рот.

– Я ничего не знаю, – прохрипел побледневший немец.

Абу отбросил его. Фридрих упал и скривился от боли.

– А ты, я вижу, разочарован в своем вожде?.. – Абу, улыбаясь, взглянул на Шарафутдина.

– Я верил, – глухо отозвался тот, – что Басаев воюет за независимость Ичкерии.

– А что вам дала независимость? – насмешливо спросил Абу. – Абсолютно ничего. Шариятские суды привели к тому, что многие чеченцы выступили с оружием против вас. Ведь в ополчении Гантемирова все были чеченцы. Даже Кадыров, который в первую войну был на стороне Дудаева, перешел к русским и сейчас скорее всего станет президентом Ичкерии. Я,

правда, тоже не совсем понимаю русских. Ведь Кадыров благословлял боевиков на войну против России. И где гарантия, что, став президентом, он не пойдет по пути Дудаева? Ладно, пошли смотреть шоу «проливаем кровь неверных»... – Он рассмеялся.

Двое по пояс голых мужчин в масках тащили за руки кричавшего молодого мужчину со связанными ногами. Подтащив его к врытым в землю столбикам с цепями, растянули его руки и сунули в оковы. Человек хрипло выл. К нему подошел мужчина в маске. Подняв руки, что-то прокричал. Потом провел ладонями по лицу и медленно опустил их к поясу. Выхватил два искривленных ножа и крест-накрест полоснул привязанного по голому животу. Мужчина, словно подавившись отчаянным криком, замолчал. Убийца ударил свою жертву ножом по глазам, потом распорол ему горло. Брызнул фонтанчик крови. Подняв руки, убийца подставил под кровавую струю оголенную грудь и, выкрикнув «Аллах акбар!», одновременно всадил лезвия кривых ножей в шею жертвы. Потом с торжествующим криком приподнял голову убитого.

– Ловко, – одобрительно заметил Абу. – Ножами очень трудно отделить голову от тела. Ловко!

Двое в масках вывели длинноволосого молодого, отчаянно кричавшего мужчину и поставили у сложенной из камня стены. Привязав его руки к тонким цепям, отошли. Метрах в десяти перед ним встал мужчина в маске. Привязанный начал, крича, метаться, насколько позволяли цепи. Человек в маске стоял неподвижно. Затем, вскинув руки, медленно поклонился и, выхватив из укрепленных на икрах ножен два ножа, бросил их в человека. Сверкнув на солнце, лезвия вошли в правое и левое плечи жертвы. Пробив плечи, острия ножей, воткнулись в стену и пригвоздили человека.

– И что из этого? – непонимающе спросил Абу.

– Он его обездвигил, и тот от боли потерял сознание. Можно брать, – проговорил Шарфутдин.

– Это киношные трюки, – усмехнулся Абу. – Хотя, может, и такое пригодится кому-то. Но не мне. Я бы хотел видеть подготовку смертников.

– Я узнаю, – вздохнул Фридрих, – можно ли видеть все уровни подготовки.

– Все? – переспросил Абу.

– Их несколько, – ответил немец. – Но я не могу говорить об этом. Да я и сам толком не знаю...

– Поговори с кем считаешь нужным, – сказал Абу, – и постарайся убедить, что я не выдам секрет подготовки смертников.

– Конечно, – торопливо согласился немец. – Я все объясню. Но вам нужны будут...

– Посмотрю и решу, – перебил его Абу. Взглянул на игравшего желваками Шарфутдина. Усмехнулся. – Все думаешь о счетах Басаева?

– Не я один, – ответил тот.

Чечня

– Да, – раздраженно проговорил Басаев, – значит, я нищий! Сколько денег проходило через Штаты, и все было хорошо. Никто ничего не видел, и было все равно, кому и куда идут деньги. А стоило России помочь ЦРУ взять продавца ПЗРК «Игла», все – и Басаев террорист, и Удугова тоже в этот список внесли. Обложили! – скрипнул зубами Шамиль.

– Халилова гоняют по Ингушетии, – сказал вошедший в схрон лысый араб. – Он потерял нескольких человек и пытается пробиться в Ичкерия. В Моздоке арестованы трое участвовавших в подготовке акции против госпиталя. Гяуры смогли найти номерные знаки машины и вышли...

– Знаю, – кивнул Басаев. – Сейчас и разведка не нужна, – усмехнулся он, – смотри новости центрального телевидения. Например, мы и не думали о том, что на слухи, пущенные нашими сторонниками о якобы готовящейся акции, приуроченной к шестому августа, когда в девяносто шестом Масхадов вошел в Грозный, чеченскую милицию, ОМОН и оставленные в Ичкерии войска перевели на казарменное положение. И уж совсем смешно было слушать о введении усиленного режима работы милиции Москвы. Гяуры никак не научатся не быть смелыми. Во всеуслышание заявляют о том, что чеченские бандформирования уже ни на что не годны. Активных боевиков, в основном арабов и тех из чеченцев, кому терять уже нечего, осталось тысячи полторы, и в то же время повышены меры безопасности в самой Ичкерии и даже в Москве. Этими заявлениями они предупреждают нас и пугают население. Велико искушение что-то придумать и провести акцию. Но нет исполнителей. Те, кого имеем сейчас, не совсем готовы, да и использовать их лучше на выборах президента Ичкерии. Гяуры не думают о том, что подрастает смена Басаеву, Масхадову и настоящему первому президенту Ичкерии Дудаеву. У них была возможность покончить со мной, когда меня оперировали в Ханкале. Волк, попадая в капкан, отгрызает себе лапу и уходит. Не зря на знамени свободной Ичкерии волк. Конечно, сейчас многие из наших людей после сообщения о том, что заморожены мои счета в банках США, престанут видеть во мне просто воина Аллаха. Хотя, с другой стороны, я, имея деньги, не покинул Ичкерию, а остался и продолжаю борьбу. Конечно, сейчас становится все труднее, нас поддерживают все меньше и меньше жителей, даже в горных районах, да и они в основном из страха. Другие из-за денег, третьи – потому, что сами боятся федералов. Но, слава Аллаху, такие люди есть. Без их помощи нам было бы гораздо труднее. Очень хорошо, что мы приготовили заранее схроны с оружием, с продовольствием и прочее. На помощь из-за границы сейчас рассчитывать все труднее. Гяуры укрепляют границу, и грузины сейчас чувствительно мешают нам. Деньги мы так и не получили. Жду еще два дня, а потом отдам приказ о ликвидации Тамары и ее людей.

– Шамиль, – войдя, проговорил Сулейман, – среди боевиков все больше недовольных использованием женщин как смертниц. Они, – он посмотрел на араба, – считают, что женщины должны продлевать род воинов, а не взрывать себя...

– Оpozоренная чеченка не может жить, – спокойно ответил Басаев. – Мы же никого не принуждаем к этому. Женщины мстят за своих мужей, родственников, а некоторые за себя. Это надо объяснить воинам. Зря вы убили Мурада. Надо было отпустить и его, и ее, а уж потом убить. Сыграть под федералов. Раньше ты так и делал, а сейчас...

– У Мурада много родственников, – горячо заговорил Сулейман, – поэтому я и поторопился убить его. И правильно сделал. Сейчас многие считают его предателем. Конечно, если люди узнают о группе Кабана, – усмехнулся он, – тогда...

– Этого не должно быть! – отрезал Басаев. – Как Масхадов отнесся к известию о признании США меня террористом и внесении моего имени в черный список ООН?

– Черный список ООН? – переспросил Сулейман. – Как это понять?

– Страны – члены ООН не должны пускать меня на свою территорию. И граждане этих стран не должны оказывать мне никакой помощи. Разумеется, в случае моего появления в той или иной стране немедленно задержать и передать России или США. Скорее всего меня, если возьмут где-то не в России, отдадут Штатам. Они заявили миру о том, что я связан с «Аль-Каидой» и являюсь опасным врагом США. Одиннадцатое сентября до сих пор отдается эхом для нас. Раньше за нас даже пытались заступиться, – Басаев криво улыбнулся, – а теперь – всё. США против, а значит, и мир увидел в Басаеве международного террориста.

– Я не раз заявлял, – раздраженно проговорил Масхадов, – что деньги поступают к нам не полностью. Часть из них оседает в банках западных стран. Значит, Басаев хотел уехать из Ичкерии?.. Почему никто не знал о его личных счетах?

– Да ладно, Аслан, – усмехнулся сидевший с трубкой в зубах крепкий чеченец, – неужели ты думаешь, никто не знает, что и у тебя и...

– Перестань, Ваха, – недовольно перебил его Масхадов. – Я избранный народом Ичкерии президент. Шамиль заявлял, что он заставил федералов уйти из Ичкерии. И тем не менее народ избрал президентом меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.